

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

ТОМЪ СТО СЕМНАДЦАТЫЙ.

№ 5, 6

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°).

На Страстномъ Бульварѣ.

1875.

ПОѢЗДКА ВЪ БУХАРУ

(ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДНЕВНИКА)

I.

Въ концѣ 1873 года, бухарскимъ эмиромъ Сеидъ-Музаффаръ-Эддиномъ было отправлено въ С.-Петербургъ посольство, которое только къ маю 1874 года возвратилось въ городъ Ташкентъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ Бухару. Посѣщеніе столицы Россійской Имперіи, милостивый пріемъ котораго они удостоились, произвели сильное впечатлѣніе на дикихъ Бухарцевъ. По собственнымъ ихъ словамъ, они насмотрѣлись въ С.-Петербургѣ такихъ чудесъ какихъ себѣ и вообразить трудно. Эта похвала европейской образованности тѣмъ болѣе заслуживала удивленія что она была изъ немногихъ которыя средне-Азіятцы позволили себѣ провозглашать открыто и безъ всякой сдержанности. Вообще этотъ фактъ тѣмъ знаменателенъ что до сихъ поръ никогда никакой житель Средней Азіи не осмѣливался восхищаться ничѣмъ что только не принадлежало къ мусульманскому міру, подъ страхомъ общаго презрѣнія и тяжелыхъ наказаній, которыми обыкновенно охлаждались неумѣренные восторги каждаго

мусульманина рискнувшего найти что-нибудь хорошее въ европейской образованности *.

Означенное посольство везло отъ Государя Императора къ эмиру многочисленныя подарки. По прибытіи его въ Ташкентъ, для оказанія ему почета, было поручено мнѣ сопровождать его до Бухары; кромѣ того я долженъ былъ передать Сеидъ-Музаффару поклоны и дружескія пожеланія туркестанскаго генераль-губернатора и генераль-лейтенанта Колпаковского.

Не скажу чтобъ извѣстіе о моемъ назначеніи пріятно подействовало на посланника. Онъ боялся попасть въ немилость у своего властителя за то что привезъ съ собой кяфира **. Смущеніе свое Абдулъ-Кадыръ-бій (посланникъ) не смогъ скрыть, несмотря на всѣ приторныя любезности которыми послѣдшилъ меня осыпать при первомъ нашемъ знакомствѣ. Зная непостоянный и жестокій характеръ своего повелителя, онъ былъ особенно озабоченъ тѣмъ какъ я буду принять въ Бухарѣ и какъ его высокостепенство, эмиръ, отнесется къ его дѣйствіямъ въ С.-Петербургѣ. Мое присутствіе могло его сильно стѣснить.

15го мая, отправивъ впередъ арбы, *** нагруженныя подарками, посылаемыми Государемъ Императоромъ, и вещами, какъ нашими, такъ и бухарскими, я двинулся съ г. Вилькинсомъ (однимъ изъ моихъ спутниковъ) къ Самарканду, чтобъ обезпечить бухарскому посольству безостановочное слѣдованіе къ столицѣ Тимура и вмѣстѣ съ тѣмъ предупредить генераль-майора Абрамова (начальника Заравшанскаго округа) о пріѣздѣ Бухарцевъ.

Переѣздъ изъ Ташкента въ Самаркандъ былъ совершенъ благополучно. Города Чиназъ, Джюзакъ и Самаркандъ, степь Мурзарабатъ, Тамерлановы Ворота и пр. не стану описывать: все это давнымъ-давно извѣстно до мельчайшихъ подробностей, а потому прямо начну свой разказъ съ выѣзда нашего изъ Самарканда.

Въ Самаркандѣ я узналъ что эмиръ Бухарскій находится

* Разительнымъ примѣромъ можетъ служить посольство въ 1869 году Тюря-Джана, сына эмира: мало удѣляло отъ этого посольства.

** Кяфиръ—невірный.

*** Арба — телега.

въ городѣ Шаарѣ, а такъ какъ Абдуль-Кадыру и мнѣ требовалось явиться первоначально къ его высокостепенству, то съ общаго согласія и было рѣшено проѣхать черезъ горы на городъ Китабъ и оттуда въ Шааръ. Изъ двухъ путей идущихъ по этому направленію (одинъ въ 72 версты, другой въ 110 верстъ), мы выбрали самый длинный, потому что по кратчайшему, вслѣдствіе крутыхъ горъ его перерѣзывающихъ, было бы невозможно благополучно провезти наши арбы (черезъ Кара-Тюбе арбы не ходятъ).

Новизна далекаго путешествія верхомъ, перспектива ближе ознакомиться съ однимъ изъ независимыхъ государствъ Средней Азіи, извѣстнымъ мнѣ только по книгамъ и разказамъ, наконецъ своеобразная обстановка при которой должно было совершиться путешествіе, все это сильно возбуждало мое любопытство. А Бухарцы нарочно, какъ будто испытывали мое терпѣніе, медлили приготовленіями къ отъѣзду, и, для большей важности, теряли время на пустыя церемоніи.

Наконецъ 20го мая въ 5 часовъ полудни, мы оставили Самаркандъ. На большое пространство растянулся нашъ караванъ; вотъ составъ его: Абдуль-Кадыръ-бій, токсаба, * посланникъ, его два секретаря, мирза ** уракъ *** и мирза Вахабъ, Зіанеддинъ-мирахуръ, **** ѣздившій въ Ташкентъ по приказанію эмира встрѣчать возвращающееся посольство, тридцать бухарскихъ джигитовъ, † я, г. Вилькинсъ, состоящій въ вѣдомствѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ и назначенный меня сопровождать г. Чалышевъ, назначенный мнѣ въ слутники въ качествѣ переводчика Татаринъ мулла-Хайрулла-Юнусовъ, приглашенный мною въ качествѣ частнаго секретаря, наши джигиты, Татаринъ Камалей и Ташкентцы Сеидъ-Али и Уста, десять уральскихъ казаковъ съ урядникомъ, одиннадцать арбъ съ ихъ проводниками и курбашъ †* самаркандскій съ лятю помощниками,

* Токсаба—военный чинъ, равный полковнику.

** Мирза — секретарь.

*** Уракъ — духовный чинъ.

**** Мирахуръ — шталмейстеръ, отъ словъ миръ — начальникъ и ахръ — ясли.

† Джигиты — молодежь; эти люди употребляются для посылокъ, исполняютъ обязанности прислуги и замѣняютъ почтальоновъ. Джигитами также называются смѣльчаки, лихіе пѣзздики.

†* Курбашъ — полицейскій чиновникъ.

которые провожали насъ до самой границы и распоряжались угощеніемъ, покуда мы не оставили русскихъ предѣловъ.

Живописную картину представляла изъ себя эта смѣшанная толпа всадниковъ въ европейскіхъ и азіятскіхъ костюмахъ. Весьма неуклюжіе и неповоротливые какъ пѣшеходы, Бухарцы имѣютъ совершенно другой видъ на лошади. Несмотря на тяжелыя чалмы, длинныя, пестрые халаты (почти на каждомъ было надѣто ихъ по нѣскольку штукъ), они чрезвычайно ловко сидятъ на своихъ высокихъ сѣдлахъ (у старшихъ лошади были украшены разноцвѣтными шалевыми и ларчевыми попонами и бирюзовыми сбруями) и смѣло перескакиваютъ черезъ самыя трудныя препятствія. Лошади, большею частью иноходцы (между ними были и туркменской породы), не уступаютъ своимъ всадникамъ въ ловкости, выносливости и смѣлости. Меня особенно удивлялъ комфортъ которымъ умѣлъ окружать себя Абдулъ-Кадыръ-бій во время своихъ странствованій. Въ продолженіе всего путешествія, *челимчи* * подносилъ ему ежеминутно *челимъ*, который онъ курилъ съ большою важностью, нисколько не замедляя шага лошади. Обыкновенно челимъ переходилъ изъ рукъ въ руки по старшинству. На опытѣ пришлось мнѣ убѣдиться что куреніе челима, возбуждая мокроту и освѣжая ротъ, значительно способствуетъ перенесенію усталости. Когда наступалъ часъ для совершенія намаза, немедленно растиался *намазъ-джай*. ** Когда томила жажда, тотчасъ же подносилась свѣжая вода или же холодный чай джигитомъ особо для этого назначеннымъ. На стоянкахъ всегда весьма скоро разбивались узорчатая палатки, устанавливались навѣсы, раскладывались ковры и подушки и подавались многочисленныя угощенія. При этомъ нельзя было не пожалѣть несчастную прислугу, которая изъ страха наказанія, несмотря на усталость, принуждена была исполнять малѣйшіе капризы своего избалованнаго и изнѣженнаго господина. ***

* Обязанность челимчи заключается въ раскуриваніи и подаваніи челима — родъ кальяна. Бухарцамъ очень нравилось что я находилъ удовольствіе курить ихъ челимъ.

** Намазъ-джамаъ называется коверъ употребляемый во время намаза, то-есть молитвы.

*** На привалахъ Абдулъ-Кадыръ всегда переодѣвался и развали-

Проѣхавъ три *таша* * по прелестной холмистой мѣстности, пересѣченной нѣсколькими горными ручейками, мы остановились на ночлегъ въ *кишлакъ* ** Садаганъ, у подножія Джамскихъ горъ. При лунномъ свѣтѣ разбили мы наши палатки на берегу быстрого горнаго ручейка; кони были привязаны къ желѣзнымъ кольямъ, что однако не мѣшало имъ часто отрываться и производить большую суматоху между спавшимъ людомъ; и скоро весь караванъ, подкрѣпивъ свои силы туземными яствами, находился уже въ объятіяхъ Морфея. Съ этого мѣста, а потомъ съ каждаго привала, были посылаемы Абдуль-Кадыромъ джигиты къ эмиру съ извѣщеніемъ о нашемъ приближеніи. Первый переѣздъ, хотя мы и совершили его шагомъ, показался нѣсколько скучнымъ и утомительнымъ; въ послѣдствіи мы свыклись съ такимъ способомъ передвиженія и уже болѣе не чувствовали никакой усталости.

На слѣдующій день (21го мая), проѣхавъ въ сильнѣйшій жаръ по совершенно ровной долиנѣ $3\frac{3}{4}$ таша, мы добрались до кишлака Джамъ, гдѣ въ послѣдній разъ пользовались угощеніемъ на русской почвѣ. Здѣсь мы распростились съ курбашемъ, который вернулся въ Самаркандъ. Недалеко отъ кишлака, на маленькой возвышенности, мы увидѣли развалины стараго Джамскаго укрѣпленія. Отсюда подѣ вечеромъ мы успѣли сдѣлать еще два таша чрезъ Шахрисябзскія горы, по узенькой дорожкѣ, до кишлака Кызыль-Кутанъ, находящагося уже въ бухарскихъ владѣніяхъ, гдѣ и остановились ночевать, такъ какъ далѣе, вслѣдствіе темной ночи и высокихъ горъ, было очень трудно и опасно ѣхать, особенно тяжело нагруженнымъ арбамъ нашимъ. Съ этого дня всѣ

вадся на подушкахъ, причемъ джигиты обязаны были растирать его утомленное тѣло.

* Бухарскій *ташъ* (*ташъ*—камень) равняется восьми верстамъ. Отмѣриваютъ его слѣдующимъ образомъ: обыкновенно это дѣлается во время путешествій эмира, джигитъ ведетъ его лошадь и считаетъ шаги. Отсчитавъ 12.000 шаговъ, онъ останавливается, произноситъ „ташъ“ и кладетъ на то мѣсто большой камень. Затѣмъ уже считаетъ другой джигитъ и т. д.

** Кишлакъ—зимовка, деревня, вообще какое-нибудь поселеніе неукрѣпленное; отъ словъ *кишъ*—зима, *лакъ*, или *лакъ*—окончаніе означающее мѣсто, способъ, средство, размѣръ.

попеченія обо мнѣ и моихъ спутникахъ Бухарцы взяли на себя, что и исполнили съ большимъ успѣхомъ, обставивъ насъ самымъ изысканнымъ восточнымъ комфортомъ, какой только можно себя вообразить въ странѣ мало образованной. На этомъ ночлегѣ посланникъ предоставилъ намъ свою палатку, въ которой буквально все свободное пространство было заставлено блюдами съ разными кушаньями.

Хотя переѣздъ отъ Кызыль-Кутана до кишлака Акъ-Бугая всего въ четыре таша, онъ у насъ однако занялъ очень много времени по причинѣ крутыхъ и длинныхъ подъёмовъ на горы и такихъ же спусковъ. Дорога, весьма живописная, шла то большими пропастями и оврагами, то чрезъ узкія ущелья; ломинутно приходилось переѣзжать быстрые горные ручейки, а самое худшее было переправляться чрезъ большія пространства густо устланныя острыми камнями. Всѣ эти препятствія было довольно трудно преодолѣть арабамъ, для которыхъ проложенная тропинка была слишкомъ узка; а потому, принужденныя ѣхать по склонамъ горъ, онѣ подвергались на каждомъ шагу опасности опрокинуться. Съ большимъ трудомъ и только съ помощью многихъ рукъ (насилу принуждались къ этому всѣ встрѣчавшіеся туземцы) могли онѣ быть благополучно вытаскиваемы на горы и спускаемы внизъ. Придавая важное значеніе поклажѣ, которою онѣ были нагружены, Абдуль-Кадыръ очень добросовѣстно заботился объ ихъ безопасности. Частыя депутаціи отъ разныхъ кишлаковъ выѣзжали къ Абдуль-Кадыру на встрѣчу съ поздравленіями, причемъ встрѣчавшіе послѣдніе слѣзали съ лошадей, подобострастно подбѣгали къ посланнику и цѣловали его руки; эти задержки отнимали у насъ очень много времени.

На полдорогѣ до Акъ-Бугая, у кишлака Гюль-Хаме, мы были встрѣчены младшимъ сыномъ Китабскаго бека (Абдуль-Гафаръ-илака) *, Абдуррахманъ-бекомъ-курчи **, который послѣ дружественнаго рукопожатія объявилъ мнѣ: „какъ онъ доволенъ и счастливъ даннымъ ему порученіемъ встрѣ-

* Илакъ — значитъ служащій въ свитѣ, чинъ придворный. Нѣкоторые мнѣ объясняли будто этимъ названіемъ обозначается довѣренное лицо, близкій совѣтникъ, и будто этотъ чинъ послѣ атадыка одинъ изъ важнѣйшихъ.

** Курчи — караульщикъ равняется чину поручика.

тить меня, поздравить съ благополучнымъ вѣздомъ въ бухарскія владѣнія, выразить чувства искренней дружбы, которую Бухарцы питаютъ къ Русскимъ и, провожая насъ до города Китаба, оказывать мнѣ гостепріимство.“ На это я отвѣтилъ: „что я съ своей стороны также считаю себя счастливымъ вступить при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ на бухарскую почву, гдѣ вижу на каждомъ шагу доказательства дружбы Бухары къ ея могучему сосѣду, что я весьма радъ случаю познакомиться съ нимъ и выразить ему мою глубокую благодарность за оказываемый мнѣ пріемъ; надѣюсь что наше знакомство этимъ не ограничится, и наконецъ, что съ нетерпѣніемъ буду ожидать дня когда буду имѣть честь представиться его высокостепенству.“ Молодого бека сопровождало болѣе пятидесяти всадниковъ, всѣ въ нарядныхъ, разноцвѣтныхъ халатахъ.

Въ кишлакѣ Акъ-Бугаѣ насъ помѣстили въ узбекскія, весьма уютныя и красивыя, юрты, устланныя коврами, куда, тотчасъ по нашемъ прибытіи, цѣлымъ эскадрономъ слугъ, почти на пятидесяти блюдахъ, былъ принесенъ роскошный *дастарханъ* *, состоявшій изъ фруктовъ, печеній, сластей и разныхъ произведеній бухарской кухни. Послѣ короткаго отдыха, такъ какъ ожидали моего разрѣшенія, я далъ знакъ къ подъему. **

22го мая день былъ облачный, что въ лѣтнее время въ этихъ странахъ рѣдко случается; дулъ сильный вѣтеръ, умѣрявшій нѣсколько страшный жаръ, который мучилъ насъ въ продолженіи всего путешествія. Опять пришлось превозмогать трудности, перебираясь черезъ горы. Особенно утомилъ насъ проходъ черезъ ущелье Макритъ-Тау *** (или Капканъ-Агачъ). **** Только въ узкихъ долинахъ, оврагахъ и ущельяхъ видѣлись деревья, да склоны нѣкоторыхъ горъ были покрыты очень плохо обработанными полями; большую же часть пейзажа занимали высокія горы, представлявшія изъ себя груды наваленныхъ камней, всевозможныхъ цвѣ-

* Дастарханъ — скатерть. Этимъ словомъ обыкновенно называются угощеніе.

** Меня Бухарцы называли калянъ-заде, т.е. сынъ великаго савовника, почему и удостоивали самыхъ высокихъ почестей.

*** Тау—гора.

**** Капканъ-Агачъ, т.е. отрывающееся дерево.

товъ. Сдѣлавъ около трехъ ташей, мы очутились въ кишлакъ Макритъ, расположенномъ въ длинной и узкой долинѣ, окаймленной съ двухъ сторонъ горами. Насъ ждала масса народа (все Узбеки); угощенія уже были приготовлены, — несмотря на ихъ приторность мы принуждены были къ нимъ приступить, чтобы не обидѣть нашихъ гостепріимныхъ хозяевъ. Здѣсь на нашихъ глазахъ разыгралась мелодраматическая сцена, о которой не могу умолчать, такъ какъ она весьма рельефно можетъ выставить на какой низкой ступени нравственнаго развитія стоитъ Бухарскій народъ. Когда нужны были вспомогательныя лошади для втаскиванія нашихъ арбъ на горы, то таковыя обыкновенно требовались отъ жителей. Одинъ Узбекъ, однако, отказался отъ этой неожиданной повинности; его рѣшили немедленно наказать за такое непослушаніе. Его замѣтили сидящимъ въ толпѣ, которая окружала нашу юрту. Абдуррахманъ-бекъ — курчи первый бросился на него и сталъ жестокимъ образомъ бить его ногойкою. Это послужило сигналомъ: въ одну секунду все поднялось на ноги и кинулось на несчастнаго; даже тѣ которые за нѣсколько минутъ сидѣли рядомъ и дружески разговаривали съ нимъ. Сильно избитый, Узбекъ былъ повѣшенъ за локти на деревѣ и провисѣлъ въ такомъ отчаянномъ положеніи около четверти часа. Но этимъ не удовольствовались; къ нему подошелъ узбекскій аксакаль * и началъ его отвязывать, чтобы, какъ я узналъ позже, подвергнуть новымъ, еще худшимъ истязаніямъ. Узбекъ ждалъ только благопріятной минуты: когда его развязали, онъ внезапно, сбросивъ халатъ (за который его держали), устремился къ довольно высокой оградѣ, сдѣлавъ отчаянный скачокъ черезъ нее и мгновенно скрылся, благодаря своей быстротѣ, отъ слѣдившей за нимъ погони. Послѣ этого любопытно было видѣть ярость молодого бека, который долженъ былъ сознаться что жертва избѣгла его жестокости.

Проѣхавъ еще немного по горамъ, мы наконецъ оставили ихъ и нашимъ глазамъ представилась великолѣпная картина: на далекое пространство разстилалась громадная Шахрисябская долина, совершенно оправдывающая свое названіе, — „зеле-

* Аксакаль — старшина, почетное лицо; отъ словъ акъ — бѣлый, сакаль — борода.

ный городъ". Вся долина покрыта сплошною массою зелени (сады и поля), на которой темными лятами обозначались города и кишлаки и свѣтлыми полосками изгибались ручейки и рѣчки. Вдали возвышалась башня Акъ-Сарая, * постройка Тамерлановскихъ временъ.

II.

Одолѣвъ еще два таша, мы вечеромъ добрались до Улусъ-кишлака, гдѣ и остановились, за восемь верстъ отъ города Китаба, для ночлега въ нарочно для насъ отведенномъ домѣ, съ большимъ садомъ. Населеніе этого большого кишлака очень привѣтливо отнеслось къ нашему пріѣзду. На слѣдующій день мы должны были въѣхать въ городъ, такъ какъ вечеромъ (отъ 9 до 10 часовъ), послѣ намаза хуфтана, послѣдней молитвы, ворота затворяются и въ городъ никого не пускаютъ.

Не обращая никакого вниманія на нашу усталость и почти насильно вынудивъ наше согласіе (мы отказывались сперва, но принуждены были согласиться, такъ какъ намъ внушили что отказъ очень обидитъ хозяевъ), послѣ неизбежнаго дастархана, Бухарцы устроили на небольшой эспланадѣ, подъ открытымъ небомъ, при свѣтѣ сальныхъ свѣчей, *баземъ*. ** Музыка загремѣла, нѣсколько мальчиковъ начали пляску, раздались пѣсни подъ аккомпаниментъ дутары. ** Съ трудомъ удалось намъ уговорить прекратить это увеселеніе и дать намъ необходимый отдыхъ.

23го мая, въ шесть часовъ утра, едва мы успѣли одѣться какъ явился Абдуль-Кадыръ предупредить насъ чтобы мы готовились встрѣтить двухъ посланныхъ отъ эмира сановниковъ. При этомъ посланникъ предложилъ свои услуги всегда и вездѣ содѣйствовать своими совѣтами: какъ слѣдуетъ дѣйствовать

* Акъ-Сарай — дворецъ въ гор. Шаарѣ.

** Баземъ — увеселеніе съ музыкой и танцами.

*** Дутара — двухструнная гитара.

при извѣстныхъ церемоніяхъ чтобы не нарушить мѣстныхъ обычаевъ. Я не замедлилъ отблагодарить его за вниманіе и предупредительность, но къ совѣтамъ его все-таки рѣдко прибѣгалъ и то только для формы, такъ какъ хорошо былъ знакомъ съ бухарскими нравами и обычаями, что приводило Бухарцевъ очень часто въ немалый восторгъ. Съ великою важною, облаченные въ парчевые халаты, явились эмирскіе сановники: Джалиль-бій токсаба и Ирпазаръ-удайчи.* Привѣтствовавъ меня отъ имени эмира и пожелавъ всего хорошаго (на что я отвѣчалъ въ томъ же духѣ), они предложили мнѣ поѣхать прямо во дворецъ, гдѣ меня желаетъ встрѣтить владѣтельный бекъ Абдуль-Гафаръ-бекъ-инакъ.

При большомъ стеченіи народа мы поѣхали многочисленною кавалькадой: курбаши, съ палками въ рукахъ чтобы разгонять народъ, впереди, Абдуль-Кадыръ-бій, за нимъ эмирскіе посланники, потомъ я, мои спутники, джигиты, казаки въ два ряда и бухарская свита. Предъ дворцомъ стояли сарбазы** (въ красныхъ мундирахъ) и толчи*** (въ зеленыхъ мундирахъ), съ распущенными знаменами, шпалерами по обѣимъ сторонамъ дороги. Когда мы показались, музыка заиграла тушъ и слышалась русская команда „на караулъ“, довольно отчетливо произнесенная. По отдачѣ чести, мы были впущены во дворецъ, гдѣ вышелъ на встрѣчу Китабскій бекъ, очень видный и весьма почтенной наружности старикъ, съ большою свитою сановниковъ. Бекъ привѣтствовалъ меня отъ имени эмира въ весьма дружелюбныхъ выраженіяхъ; между прочимъ говорилъ какъ ему пріятно принимать сына одного изъ важныхъ русскихъ сановниковъ. Послѣ продолжительнаго разговора, предметомъ котораго были отношенія дружбы и согласія установившіяся между Россіей и Бухарой, былъ поданъ дастарханъ гигантскихъ размѣровъ для меня и для всѣхъ меня сопровождавшихъ. Затѣмъ были мнѣ подарены лошадь съ полною сбруей, халаты и куски матерій. Соотвѣтствующими по старшинству подарками были также надѣлены и всѣ мои спутники безъ исключенія. Обы-

* Удайчи придворный чинъ.

** Сарбазы—солдаты. Этимъ именемъ обозначается регулярная пѣхота.

*** Толчи—артиллеристы.

чай одаривать при всякомъ удобномъ случаѣ очень распространѣнъ въ Бухарѣ,—отказъ считается оскорбленіемъ.

Такъ какъ эмиръ долженъ былъ скоро пріѣхать въ Китабъ (какъ мнѣ сказали, онъ слѣшилъ со мною познакомиться), то мы не могли остановиться во дворцѣ, который сперва намъ предназначался, а потому съ тѣми же церемоніями, какъ пріѣхали, были отведены на помѣщеніе въ частный домъ, гдѣ и расположились: я со спутниками своими на одномъ дворѣ, а Абдуль-Кадырь-бій—на другомъ, соседнимъ съ нашимъ. * О насъ заботиться въ продолженіи всего нашего пребыванія въ Китабѣ было поручено Абдуррахманъ-беку-курчи и Абдузайтъ-мирахуру (ученый, почтенный старикъ, всегда дружески къ намъ относившійся), которые приложили всѣ старанія чтобы предупреждать наши желанія и чтобы мы ни въ чемъ не нуждались, и исполнили это самымъ добросовѣстнымъ образомъ.

Едва мы успѣли переоблачиться въ домашній костюмъ, халаты намъ подаренные (что очень понравилось Бухарцамъ), какъ уже пришли мальчики-танцоры и начался баземъ: намъ совершенно не хотѣли дать времени вздохнуть и опомниться, только и думали какъ бы развлекать насъ. Но такъ какъ бухарскія увеселенія не блещутъ особеннымъ разнообразіемъ и такъ какъ всѣмъ въ Бухарѣ наслаждаются до пресыщенія, то все это скоро обратилось въ Демьянову уху.

Утромъ 24го мая послышалась вдали военная музыка, которую скоро заглушили частые пушечные выстрѣлы и крики народа (впрочемъ вынужденные палками курбашей): это встрѣчали эмира. Вскорѣ затѣмъ явился къ намъ отъ влѣстителя Бухары посланный чтобъ узнать о здоровьи и пожелать всего хорошаго. Посланный между прочимъ выразился что эмиръ былъ такъ доволенъ узнавъ о нашемъ пріѣздѣ что тотчасъ послѣшилъ изъ Шаара въ Китабъ и былъ готовъ отъ радости „выскочить изъ своей рубашки чтобы насъ скорѣе увидѣть“. Я отвѣтилъ что высоко цѣню эту честь и прошу передать его высокостепенству покорнѣйшую просьбу: ежедневно сообщать мнѣ извѣстія о его здоровьи и

* Вслѣдствіе сильныхъ жаровъ мы не могли ночевать въ комнатахъ, очень маленькихъ и низкихъ, почему большую часть времени проводили на воздухѣ подъ навѣсомъ или же въ палаткахъ.

благополучіи, чѣмъ премного меня обяжутъ; кромѣ того просилъ передать мою искреннюю благодарность за оказываемый пріемъ.

Въ одно время со мною въ Китабѣ находились: посланный отъ генерала Абрамова (котораго Бухарцы однако не допустили ко мнѣ) и посланникъ отъ кабульскаго владѣтеля, Ширъ-Али-хана. Послѣдній сопровождалъ эмира во всѣхъ его путешествіяхъ.

Здѣсь не лишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ Бухары къ Авганистану и къ Россіи.

Отношенія Бухары, или вѣрнѣе сказать эмира Бухарскаго, къ Авганистану и къ Россіи часто мѣняются и вполне зависятъ отъ того какая сторона наиболѣе угрожаетъ; къ той и примыкаетъ Музаффаръ. Было бы весьма ошибочно полагаться на него: онъ во всякое время готовъ превратиться въ преданнаго друга или же въ заклатаго врага. Такая шаткость въ политикѣ естественно вытекаетъ изъ самого положенія дѣлъ. Дѣйствительно, побывавъ въ Бухарѣ, легко можно убѣдиться на какомъ непрочномъ основаніи зиждется власть эмира и его отношенія къ сосѣдямъ. Благодаря своему жестокому и неправильному управленію, Сеидъ-Музаффару нельзя разчитывать на сочувствіе и преданность своихъ подданныхъ, что конечно заставляетъ его вѣчно находиться въ опасеніяхъ; никогда онъ не въ состояніи отвѣчать за безопасность своей власти, своихъ богатствъ и даже своей жизни. Покуда подданные его будутъ апатично выносить гнетущій ихъ деспотизмъ, владычество эмира еще возможно, но онъ погибъ безвозвратно, если только страхъ разсѣется. Не имѣя твердой почвы подъ собою въ своихъ владѣніяхъ, эмиръ и не думаетъ разчитывать на поддержку своихъ сосѣдей. Поэтому ему приходится вѣчно прибѣгать къ интригамъ, обману и хитростямъ, и лавировать между препятствіями и опасностями которыя его окружаютъ. Чье вліяніе сильнѣе, къ тому склоняются и его симпатіи.

Недоброжелательство и непріязненность къ намъ Авганцевъ давно уже извѣстны. Вѣроятно подзадориваемые Англичанами, Авганцы неуклонно стремятся возстановить противъ насъ эмира Бухарскаго и побудить его къ открытымъ враждебнымъ дѣйствіямъ. Свои настойчивыя требованія они подкрѣпляютъ разными угрозами; не испытавъ еще силы рус-

скаго оружія, они полагаются на храбрость своего войска (впрочемъ довольно хорошо организованнаго) и постоянно пугаютъ эмира тѣмъ что если онъ откажется къ нимъ присоединиться, то они вторгнутся въ его предѣлы. Бывшіе при мнѣ въ Бухарѣ Авганды нѣсколько разъ высказывали это муллѣ Юнусову (ошибочно принимая его за Бухарца и не подозревая что онъ мой спутникъ) и прибавляли: „наши войска всегда побѣдятъ Русскихъ“. Трусливый Музаффаръ частенько былъ готовъ уступить ихъ требованіямъ и согласиться объявить себя врагомъ Россіи. Такъ, еще недавно, во время Хивинской экспедиціи, по совѣту Авганцевъ, эмиръ хотѣлъ наотрѣзъ отказать въ присылкѣ выступившему въ походъ нашему отряду необходимыхъ съѣстныхъ припасовъ, чѣмъ онъ поставилъ бы нашихъ воиновъ въ безвыходное положеніе. Кромѣ того онъ намѣревался пропустить чрезъ свои владѣнія авганскія войска, съ которыми могъ бы сдѣлать нападеніе на Самаркандъ. Но проживающій въ Бухарѣ Татаринъ Каратаевъ и главнѣйшіе купцы бухарскіе пришли къ своему властителю, упросили его оставаться въ мирѣ съ Россіей и указали ему опасность въ какую подобныя дѣйствія могутъ вовлечь его самого и все государство. Эти доводы осилили нерѣшительность эмира, и Авганды возвратились къ себѣ ничего не добившись.

Каждый годъ авганское посольство является въ Бухару съ новыми предложеніями и вмѣстѣ съ тѣмъ съ новыми угрозами. Я засталъ такое посольство сопровождавшее эмира во всѣхъ его поѣздкахъ; но и въ этотъ разъ Авганцамъ не посчастливилось. Они пріѣхали, какъ я узналъ, снова настаивать на пропускѣ своихъ войскъ чрезъ бухарскія владѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ старались отклонить эмира отъ блистательныхъ пріемовъ которые онъ мнѣ устраивалъ. Но и эти замыслы не удались. Музаффаръ былъ очень доволенъ честью оказанною ему Бѣлымъ Царемъ, а потому и рѣшился, какъ кажется, прямо объявить себя другомъ Россіи. Вслѣдствіе этого Авганды были приняты очень холодно: они не допускались къ аудіенціямъ, содержаніе и подарки давались имъ скудные, развѣзжать по городамъ имъ было запрещено и масса плѣононь слѣдила за каждымъ ихъ движеніемъ.

Повидимому въ настоящее время эмиръ Бухарскій образумился и понялъ насколько необходима и полезна ему дружба

Россіи, прибѣгая къ которой онъ можетъ упрочить свое положеніе, почему и старается теперь всѣми средствами доказать намъ свое расположеніе и преданность. Искренни ли его намѣренія и будетъ ли онъ вѣренъ этой политикѣ, трудно рѣшить.

Кушбегі и Куратаевъ, стоящіе во главѣ русской партіи, очень много способствовали къ возвращенію Музаффара на истинный путь. Большинство бухарскаго населенія дружески расположено къ Россіи, даже многіе сановники не скрываютъ своего къ намъ сочувствія; въ этомъ я лично убѣдился. Такъ начальникъ войскъ города Кермине, Кара-Бекъ-Ишакъ-Баши, провожая меня откровенно высказалъ мнѣ свой образъ мыслей: по его мнѣнію Бухара не можетъ долго сохраняться въ независимомъ состояніи и непремѣнно, рано или поздно, будетъ присоединена къ Россіи; присоединеніе это будетъ радостно всѣмъ, и подъ охраною и благодѣтельнымъ покровительствомъ Россіи Бухарцы увидятъ наконецъ счастливые дни. То же самое я слышалъ и отъ многихъ другихъ лицъ.

Вернусь теперь къ своему разказу. Наконецъ явился Абдуль-Кадыръ-бій, только-что представившійся * эмиру, вполне веселый, счастливый и довольный. Страхъ и опасенія его разсѣялись; Музаффаръ-Эддинъ очень милостиво его принималъ, всѣмъ очень интересовался и выказалъ большое удовольствіе при видѣ подарковъ присланныхъ ему Государемъ Императоромъ и поднесенныхъ ему посланникомъ.

Начиная съ этого дня къ намъ одинъ за другимъ стали являться Бухарцы, ** такъ что почти каждую минуту кто-нибудь да сидѣлъ у насъ; многіе приходили изъ любопытства, а отчасти изъ желанія что-нибудь о насъ разузнать. Въ особенности мирза Вахабъ, второй секретарь Абдуль-Кадыра, котораго обязанность была шпионить за нами. Каждое наше слово, каждое движеніе записывались имъ и вносились въ его ежедневные о насъ доклады, подаваемые сперва посланнику, а потомъ самому владѣтелю.

Вечеромъ была намъ оказана особенная, впрочемъ довольно

* Представленіе эмиру называется саламомъ, то-есть идти на поклонъ.

** Въ томъ числѣ много больныхъ за совѣтами.

странная, почестъ: эмиръ прислалъ въ полное наше распоряженіе, на все время нашего пребыванія въ Китабѣ, своихъ придворныхъ мальчиковъ-танцоровъ, главнаго *маскарабазы*, * *ходжа-джевачи* ** и музыкантовъ. Устроился баземъ при свѣтѣ китайскихъ фонарей нами привезенныхъ, которые привели въ восторгъ Бухарцевъ.

Съ этого времени въ каждомъ кишлакѣ, въ каждомъ городѣ, гдѣ мы только останавливались, ежедневно по вечерамъ, къ несчастію очень часто и днемъ, являлись насъ развлекать: танцоры, музыканты, маскарабазы, *найранбазы* *** и др. Танцы мало разнообразны, они пантомимою стараются изображать любовь, или же танцующіе выказываютъ въ прыжкахъ и круженіи свою ловкость и быстроту. Иногда они переодѣваются женщинами и такъ удачно что ихъ трудно узнать. Маскарабазы представляютъ смѣшныя сцены, но большею частію неприличнаго содержанія. Музыканты разыгрываютъ народныя пѣсни (иныя весьма мелодичны), которыя поются со страшными выкрикиваніями; когда же они бьютъ въ бубны, то производятъ это съ сильнѣйшимъ, оглушающимъ шумомъ (бывало по девяти бубенчиковъ).**** Принадлежностью всякаго базема были курбаши съ своими палками, которые сдерживали толпы зѣвакъ въ почтительномъ отдаленіи и соблюдали между ними порядокъ, беспощадно колотя палками по головамъ непослушныхъ. Мои старанія чтобъ эти увеселенія (которыя скоро надоѣли и опротивѣли) устраивались рѣже, остались напрасными. Пришлось покориться необходимости и терпѣливо, лежа на коврахъ, испи-

* Маскарабазъ—значить шутъ, отъ слова маскара—шутка и базъ—игра.

** Джевачи—чинъ военный, адъютантъ. Люди этого чина употребляются для разныхъ порученій. На обязанности ходжа-джевачи было сообщать эмиру всевозможныя сплетни.

*** Найранбазъ — фокусникъ, отъ словъ найранъ — обольщеніе, хитрость, обманъ и базъ — игра.

**** Инструменты бухарскіе слѣдующіе: дутара—двухструнная гитара, ситара — трехструнная, сурнай — флейта, цизакъ — въ родѣ скрипки, кобысъ — скрипка съ волосяными струнами, карнай — кларнетъ, най (камышъ) — дудочка, тыбаль — барабанъ, чирменда — бубень, давыль — маленькій барабанъ, въ который обыкновенно бьютъ ночные сторожа, и пр.

вать чашу до дна. Было же это необходимо потому что все до мельчайшихъ подробностей доносилось эмиру, которому, какъ намъ объяснили, нашъ отказъ былъ бы крайне непріятенъ. Желая чѣмъ-нибудь ему угодить и вмѣстѣ съ тѣмъ отблагодарить за его гостепріимство, поневолѣ нужно было терпѣть. Кромѣ того наши уши сильно страдали отъ шума производимаго военною музыкою, которая ежедневно, въ присутствіи эмира, соблюдая извѣстныя церемоніи, разыгрывала зарю во время намаза дигара.*

III.

25го мая мы отправились въ мундирахъ представляться эмиру. Еще по выѣздѣ изъ Самарканда Абдуль - Кадыръ приставалъ ко мнѣ и даже требовалъ чтобъ я ему отдалъ для передачи эмиру письмо которое я везъ отъ генерала Колпаковского; но я ему отказывалъ наотрѣзъ (потому что письмо это могло служить мнѣ рекомендаціей). Теперь же, предъ отъѣздомъ во дворецъ, онъ возобновилъ свои просьбы и старался всевозможными хитростями выманить у меня письмо. Я ему опять объявилъ что самъ передамъ его. Тогда онъ сказалъ что у нихъ въ обычаѣ передавать эмиру письма и прошенія чрезъ посредствующее лицо, и что я, отказавъ ему въ просьбѣ, нарушу этотъ обычай. Видя бесполезность дальнѣйшаго спора въ вопросѣ не представлявшемъ особенной важности, я предложилъ Абдулю-Кадыру слѣдующій компромисъ, на который онъ согласился: когда будетъ время отдавать письмо, то я при эмирѣ передамъ его Абдулю-Кадыру съ просьбою отдать его Сеидъ-Музаффару. Вѣроятно посланникъ хотѣлъ особенно прислужиться своему властителю.

Нашъ переездъ ко дворцу совершился съ тѣми же церемоніями, какъ и при въѣздѣ въ городъ, разница была только въ численности участвовавшихъ: теперь было гораздо болѣе какъ сопровождавшихъ насъ такъ и солдатъ разставленныхъ шпалерами.** Входъ во дворецъ былъ совершенно заставленъ

* Всѣхъ намазовъ пять: утренній на зарѣ, въ полдень, за часъ до заката солнца — дигаръ, послѣ заката солнца и по наступленіи вечернихъ сумерекъ.

** У входа во дворецъ стояли двѣ пушки, а рядомъ съ ними тарантасы и кареты, видно для большаго парада.

придворными и различнымъ чиновнымъ людемъ. Все ходило съ трепетомъ на цыпочкахъ и говорило шепотомъ. Послѣ длинныхъ переговоровъ, послѣ частаго бѣганья Абдуль-Кадыра къ эмиру и обратно, намъ было наконецъ объявлено что его высокостепенство желаетъ насъ видѣть. Меня было подхватили два *удайчи* подъ руки, чтобы вести въ парадные апартаменты, но я отказался отъ ихъ помощи, сказавъ что могу идти одинъ; для соблюденія же церемоніала имъ осталось только показывать видъ будто они меня поддерживаютъ. За то мои спутники, гг. Вилькинсъ и Чалышевъ, были почти внесены. Абдуль-Кадыръ пошелъ съ нами чтобы представить насъ.

Сеидъ-Музаффаръ-Эддинъ принялъ насъ въ очень большой и высокой комнатѣ; деревянный потолокъ ея былъ раскрашенъ разнообразными пестрыми узорами; стѣны были покрыты довольно изящною лѣпною работою, со вѣзанными въ нихъ шкафами (безъ дверей впрочемъ) всевозможныхъ величинъ и размѣровъ; но лучшимъ украшеніемъ комнаты были отличные ковры, сплошь покрывавшіе полъ. Еще далеко на лѣстницѣ, откуда едва можно было видѣть его высокостепенство, намъ подшепнули сдѣлать поклонъ, который мы и исполнили по-европейски. Сопровождавшіе насъ Абдуль-Кадыръ и удайчи, прижимая руки къ животу, начали совершать частыя пригибанія и присѣданія (трудно найти подходящее слово для выраженія ихъ поклоновъ: они какъ-то особенно сгибались пополамъ). Затѣмъ насъ повелъ уже одинъ Абдуль-Кадыръ, не прекращая присѣданій. У двери въ залу, гдѣ сидѣлъ эмиръ, мы сдѣлали другой поклонъ и наконецъ третій предъ самымъ его высокостепенствомъ. Тогда посланникъ исчезъ. Пожавъ намъ всѣмъ троимъ руки по старшинству, Музаффаръ знакомъ руки пригласилъ насъ сѣсть. Не видя вокругъ себя ни одного сѣдалища, мы принуждены были опуститься на коверъ и сѣсть по-бухарски, то-есть поджавъ ноги подъ себя. Первыми минутами, которыя мы провели въ молчаніи, я воспользовался чтобы подробно разсмотрѣть властителя Бухары, главу мусульманства въ Средней Азіи. Небольшаго роста, чрезмѣрно толстый, онъ сидѣлъ въ простомъ шелковомъ халатѣ, безъ особыхъ признаковъ величія, на шелковыхъ подушкахъ. Несмотря на начерченные волосы, бороду и брови, несмотря на раскрашенные глаза и щеки, все въ немъ обли-

чало человѣка истощившаго силы свои на плотскія удовольствія. Можетъ-быть когда-то и очень красивый, онъ теперь (ему 56 лѣтъ) имѣлъ видъ весьма непріятный. Медленно и очень тихимъ голосомъ (онъ задыхался отъ тучности), онъ привѣтствовалъ меня съ благополучнымъ привѣдомъ, прибавивъ что до моего отъѣзда я могу считать себя какъ дома въ его владѣніяхъ, ѣздить куда хочу и видѣть что только пожелаю. Потомъ онъ освѣдомился о здоровьи и благополучіи Государя Императора, всего Императорскаго Дома, начальника Туркестанскаго края, генерала Колпаковского и вообще всѣхъ вышшихъ русскихъ сановниковъ. На это я отвѣтилъ приблизительно слѣдующее: „Высокостепенный эмиръ! Господинъ начальникъ края и генералъ Колпаковскій поручили мнѣ передать вамъ ихъ искреннія поздравленія съ оказанною вашему посольству Государемъ Императоромъ честью и искреннія пожеланія всякаго благополучія, а также выразить чувства дружбы и пріязни которыя они питаютъ къ вамъ. Къ этому я осмѣливаюсь присоединить и свои пожеланія и поздравленія. Осчастливленнымъ считаю себя даннымъ мнѣ порученіемъ, такъ какъ это дало мнѣ случай удостоиться большой чести быть представленнымъ вашему высокостепенству. По вѣздѣ моемъ въ бухарскія владѣнія счастье и радость меня не покидали, повсюду видѣлъ я радушный пріемъ и на дѣлѣ могъ убѣдиться въ крѣпости союза и дружбы между Россіей и Бухарой. Каждый благомыслящій человѣкъ долженъ молить Бога чтобы всегда такъ продолжалось. Благодарю ваше высокостепенство за гостепріимство и почести оказываемыя мнѣ вашими подданными. Еще долгомъ своимъ считаю вамъ выразить какъ я благодаренъ почтенному Китабскому беку, его сыну и другимъ за ихъ старанія обратить мое пребываніе въ бухарскихъ владѣніяхъ въ цѣлый рядъ праздниковъ. Все это за непремѣнную обязанность почту сообщить пославшимъ меня и моему начальству въ Петербургъ. Навѣрное эти вѣсти всѣхъ порадуютъ и еще болѣе послужатъ къ укрѣпленію дружелобныхъ отношеній двухъ сосѣднихъ государствъ.“

Моя рѣчь ему понравилась и успокоила его. Поблагодаривъ меня, онъ началъ увѣрять въ дружбѣ которую питаетъ къ Россіи. Затѣмъ говорилъ г. Вилькинсъ, что очень удивило эмира, такъ какъ въ Бухарѣ не принято чтобы младшій говорилъ при старшемъ, не испросивъ у послѣдняго

на то разрѣшенія. Повторивъ поздравленія, мой спутникъ выразилъ просьбу о содѣйствіи ему для изученія шелководства, какъ оно производится въ Бухарѣ, на что и получилъ полное разрѣшеніе. *

Когда эмиръ сдѣлалъ знакъ что кончаетъ аудіенцію я передалъ ему письмо отъ генерала Колпаковского черезъ посредство Абдула-Кадыра, который, вдругъ, точно выросъ изъ-подъ земли, явился предъ нами. Послѣ новаго пожатія рукъ и новыхъ троекратныхъ поклоновъ, мы вышли, отступая лицомъ къ Музаффару. Насъ тотчасъ окружила толпа царедворцевъ и осыпала поздравленіями съ милостивымъ приѣмомъ.

Всѣ мои джигиты и казаки также были представлены эмиру, только съ тою разницею что они свой поклонъ совершили на лѣстницѣ, дальше ихъ не пустили, и привѣтствіе за нихъ прокричали удайчи по установленной формѣ. **

Потомъ всѣхъ насъ одѣлили халатами и кусками шелковыхъ матерій, а мнѣ и гг. Вилькинсу и Чапышеву были подведены лошади подъ парчевыми попонами и съ бирюзовыми сбруями. (Мнѣ были подарены двѣ лошади, халатъ съ плечъ эмира и его собственный поясъ.) Когда стали отъ насъ требовать чтобы мы надѣли халаты и въ нихъ отправились по городу, какъ прежде ошибочно дѣлали всѣ Русскіе вѣздившіе въ Бухару, то я рѣшительно отказался это исполнить и согласился только на одну уступку. Объяснивъ Бухарцамъ что на свой мундиръ не имѣю права надѣвать другой (у Бухарцевъ халатъ имѣетъ значеніе мундира), я только накинулъ халатъ и, пройдя немного по двору, у выхода немедленно снялъ его. Мои спутники сдѣлали то же.

Дома опять цѣлый эскадромъ *махремовъ*, *** принесли намъ

* Г. Вилькинсъ состоитъ при школѣ шелководства, которую Министертво Государственныхъ Имуществъ учредило въ Ташкентѣ съ цѣлью распространенія правильнаго шелководства и разведенія здоровыхъ шелковичныхъ червей въ Туркестанскомъ краѣ.

** „Худа Хазрети амири Музаффаръ мансуръ кысунъ.“ То-есть да сдѣлаетъ Богъ эмира могущественнымъ, побѣдоноснымъ. Въ этой фразѣ есть своего рода комизмъ: музаффаръ значитъ побѣжденный. Не зная хорошо арабскаго языка, Бухарцы думаютъ что слово это значитъ побѣдоносный.

*** Махремъ—слуга приближенный, Махрембаши—начальникъ при-слуги.

обильный дастарханъ, только уже съ кухни Музаффара — одна изъ самыхъ большихъ почестей.

Съ этого дня Абдуль-Кадыръ по нѣскольку разъ въ день сталъ ходить къ эмиру. Потомъ я узналъ слѣдующее: онъ попалъ въ милость къ своему владѣтелю, приобрѣлъ большое вліяніе на всѣ дѣла, словомъ, сдѣлался временщикомъ, убѣдивъ своего повелителя что онъ необходимый въ управленіи государствомъ человѣкъ. Начавъ козни противъ всѣхъ кто только старался ближе сойтись съ эмиромъ (это отозвалось и на насъ въ послѣдствіи), онъ сумѣлъ отстранить всѣхъ вліятельныхъ людей и дѣйствовалъ вообще такъ что рѣдко кому удавалось помимо его добратся до Сеидъ-Музаффара.

Не стану распространяться объ увеселеніяхъ, которыя были каждый день тѣ же, и вообще о нашемъ препровожденіи времени, не блиставшимъ особымъ разнообразіемъ; во избѣжаніе повтореній, упомяну только объ отдѣльныхъ случаяхъ которыми иногда нарушалось однообразіе нашей жизни.

Каждый день стали приходить разныя подозрительныя лица, оказавшіяся потомъ шпіонами, но такъ какъ я всегда держался насторожѣ, то имъ было невозможно узнать что-нибудь.

Утромъ 26го мая насъ разбудилъ страшный шумъ — это была военная музыка; проходили полки сарбазовъ и предъ нашимъ домомъ отдавали намъ военныя почести. ** Войска (около двухъ тысячъ человѣкъ) шли на поклонъ къ эмиру мимо насъ и мнѣ удалось такимъ образомъ подробно разсмотрѣть бухарскихъ сарбазовъ (о нихъ буду говорить послѣ). Въ этотъ день г. Вилькинсъ поѣхалъ дѣлать наблюденія надъ производствомъ шелка и выводкою червей, а я въ сопровожденіи казаковъ и двухъ курбашей отправился осматривать городъ. Высокая, большая стѣна, съ многочисленными башнями по угламъ, окаймляетъ городъ Китабъ. Другая стѣна, въ центрѣ города, окружаетъ дворецъ владѣтельнаго бека. Самъ по себѣ городъ не великъ и не имѣетъ почти никакихъ историческихъ памятниковъ. По серединѣ его находится небольшой базаръ. Долина предъ городомъ покрыта многочисленными кшлаками, садами и полями (рисовыя преобладаютъ). * Эту долину пересѣкаютъ съ одной стороны рѣка

* Эта церемонія происходила въ послѣдствіи каждый день.

** Рисовыя поля долго бываютъ совершенно затоплены водою, отчего распространяется сырость, причиняющая трудно-излѣчимыя лихорадки.

Акѣ-Дарья, * съ другой—Китабъ-Дарья. Во время прогулки я посѣтилъ бухарскій лагерь, имѣвшій весьма плачевный видъ. Солдаты съ готовностью отдавали мнѣ честь. Хотя сопровождавшимъ меня курбашамъ и было поручено строго слѣдить за мною, однако они очень любезно отвѣчали на все мои разспросы.

28го мая Бухарцы начали меня допрашивать когда я намѣренъ двинуться дальше. Этотъ вопросъ они повторяли почти до послѣдней минуты моего отъѣзда и постоянно получали одинъ и тотъ же отвѣтъ: „Когда угодно будетъ его высокостепенству“. Все это было дѣломъ Абдуль-Кадыра, который старался скорѣе отправить насъ далѣе чтобъ отнять всякую возможность имѣть свиданія съ эмиромъ. И въ то же время этотъ ловкій Бухарецъ увѣрялъ меня что если бы не служба, онъ все время проводилъ бы съ нами для исполненія нашихъ малѣйшихъ желаній.

Въ Бухарѣ всякое дѣло совершается медленно, послѣ длинныхъ переговоровъ, съ подходами и хитростями. Все другъ отъ друга скрываютъ, все другъ друга боятся, другъ за другомъ шпионятъ; поэтому въ барышахъ только умѣющие интриговать, имѣ и покровительствуетъ эмиръ; истинно же хорошіе люди всегда находятся въ тѣни, или пользуются тайною славой и уваженіемъ, или же невинно погибаютъ жертвою наветовъ злыхъ завистниковъ.

30го мая по всему городу раздались пронзительные и нестройные крики *азанчей*, ** созывавшихъ правовѣрныхъ къ совершенію намаза-джума. Намазъ-джума исполняется каждую пятницу (какъ мнѣ сказали, въ память въѣзда Магомета въ Медину). При громадномъ стеченіи народа, въ присутствіи всехъ войскъ, эмиръ со всеми своими сановниками совершилъ этотъ намазъ, послѣ котораго пропустилъ мимо себя все полки церемоніальнымъ маршемъ, что представило весьма любопытное и комическое зрѣлище. Неловко, не въ ногу, неровными рядами, каждый держа свое ружье по собственному усмотрѣнію, подъ оглушительные звуки какого-то страннаго бухарскаго марша, прошли жалкіе сарбазы, скорѣе походившіе на толпу шутовъ, очень мало походившіе на военныхъ. Смотря на войско бухарское и на его во-

* Акѣ—бѣлая, Дарья—рѣка.

** Азанчи — духовныя лица, созывающія магометанъ на молитву. Ихъ также называютъ муэдзинами.

оружіе, легко убѣждаешься въ справедливости словъ Каратаева, который совѣтовалъ эмиру распустить войска и оставить при себѣ для забавы только два, три баталіона, такъ какъ бухарскіе воины не могутъ принести никакой пользы, а требуютъ большихъ издержекъ. Слова эти совершенно справедливы: не говоря уже про отсутствіе дисциплины, солдаты не имѣютъ ни одного изъ тѣхъ качествъ которыя требуются отъ военныхъ; между тѣмъ содержаніе ихъ ложится тяжелымъ налогомъ на народъ. Регулярной кавалеріи нѣтъ, иррегулярная же собирается только во время войны. Артиллерія есть, но ее намѣрены уничтожить по негодности. Пушки теперь лаваются и понемногу обращаются въ монеты, такъ что уже съ трудомъ можно насчитать въ Бухарѣ какихъ-нибудь сто орудій. Настоящее войско составляетъ только лѣхота, сарбазы, которая почти вся набрана изъ Персіанъ-невольниковъ (ихъ болѣе десяти тысячъ человекъ въ войскахъ). Простые солдаты одѣты въ красныя и синія куртки, офицеры въ бѣлые кафтаны и въ халаты. Вооруженіе весьма разнообразное и въ самомъ жалкомъ положеніи: кремневые ружья безъ кремней, ударныя безъ курковъ, другія же такія что при первомъ выстрѣлѣ разрываются.

Если есть полки и въ нихъ какой-то намекъ на порядокъ и дисциплину, если есть полковая музыка, команда по-русски, если наконецъ солдаты бухарскіе хотя нѣсколько похожи на воиновъ, то всѣмъ этимъ Бухара обязана сибирскому казаку, Алексѣю Яковлеву. Попадъ по своей оплошности въ неволю къ Бухарцамъ, этотъ казакъ употребилъ первыя усилія свои на то чтобъ освободиться отъ рабства: объявилъ эмиру что нисколько не намѣренъ бѣжать, и что, если только примутъ его услуги по устройству войскъ, то онъ сдѣлаетъ все чтобы быть полезнымъ. Сеидъ-Музаффаръ согласился на его предложеніе, переименовалъ его въ Османа, и вскорѣ, убѣдившись въ искренности его намѣреній, поручилъ ему начальство надъ своею арміей, возведя его въ достоинство бека. Османъ-бекъ немедленно принялся за нововведенія. Онъ научилъ Бухарцевъ дѣлать порядочный порохъ, лить пушки, хотя и плохія, исправлять ружья, образовалъ полки, которые одѣлъ въ одинаковые мундиры, ввелъ русскую команду и полковую музыку. Кончилъ же Османъ какъ и многіе другіе, насильственною смертію. Нашлись

завистники которые повели противъ него интригу, къ фальшивому документу (письму въ которомъ онъ будто подговаривалъ противъ эмира) приложили его печать; эмиръ повѣрилъ и Османъ былъ задушенъ. Войско бухарское не опасно; когда оно идетъ на войну, то обыкновенно еще до приближенія непріятеля разстрѣливаются всѣ патроны (на каждого солдата выдается по тридцати штукъ) съ цѣлью устрашить врага, такъ что, когда непріятель въ виду, имъ уже нечѣмъ стрѣлять. Если первый напоръ неудаченъ, то немедленно всѣ поворачиваютъ спину и бѣгутъ; только наемные Афганцы умѣютъ стойко умирать и сражаются довольно храбро. Чтобы разбѣжавшееся войско собрать, употребляютъ очень оригинальный способъ: всякому прибѣжавшему къ мѣсту сбора невредимымъ и не раненымъ дарятъ халатъ (иначе невозможно собрать храброе воинство). Раненые же ничего не получаютъ,—имъ ставятъ въ вину зачѣмъ допустили себя ранить. Пораженіе обыкновенно стоить жизни главнокомандующему: непремѣнно залодозрять въ измѣнѣ и безъ суда казнять.

IV.

Утомленные выжидательнымъ положеніемъ (насъ все держали въ неизвѣстности насчетъ отъѣзда), 2го іюня мы съ удовольствіемъ услышали отъ Абдуль-Кадыра извѣстіе что черезъ полтора часа непремѣнно должны выѣхать изъ Китаба чтобы не задержать эмира, который вскорѣ за нами желаетъ послѣдовать въ Шааръ. Наскоро приготовившись къ путешествію и одаривъ халатами и другими подарками всѣхъ лицъ которыя были къ намъ приставлены, мы оставили Китабъ.

Разстояніе между двумя главнѣйшими городами Шахриябзской долины немного болѣе одного таша. Дорога идетъ мимо многочисленныхъ кишлаковъ, по хорошо обработанной мѣстности. На полдорогѣ насъ встрѣтили: племянникъ Шаарскаго бека, Саттаръ-Кули-мирахуръ, начальникъ полиціи, Мурадъ-ханъ-джевачи и ясауль-баши * Мукумъ, съ большою свитою. Съ ними мы и помѣнялись обычными любезностями. У воротъ городскихъ насъ встрѣтилъ карауль.

* Ясауль-баши — помощникъ баталіоннаго командира. Ясауль—капраль, баши—начальникъ.

Вѣхавъ на большую площадь, окружавшую цитадель, мы увидѣли толпы народа, смотрѣвшаго на насъ точно на звѣрей. У входа въ цитадель разставленные въ двѣ шеренги сарбазы, при двухъ знаменахъ, и артиллеристы при четырехъ пушкахъ, подъ звуки музыки отдали намъ честь. Въ воротахъ дворца мы были встрѣчены начальникомъ войскъ, Девлетъ-біемъ *, а на дворѣ дворца вышелъ къ намъ престарѣлый (80ти лѣтъ) бекъ, высшій сановникъ, родственникъ эмира по лѣду, Абдулъ-Каримъ-диванъ-беги. ** Насъ ввели въ большія залы Акъ-Сарая ***, постройка знаменитаго Тимура. Старикъ бекъ привѣтствовалъ меня довольно странною рѣчью. Послѣ обычныхъ любезностей онъ сказалъ: „Знатные люди легко другъ друга понимаютъ и всегда другъ другу сочувствуютъ, а потому, какъ высшій бухарскій сановникъ, я весьма счастливъ познакомиться и подружиться съ сыномъ извѣстнаго русскаго визиря.“ Замѣтивъ слабость старика, я ему отвѣтилъ что раньше еще слышалъ о его знатности, горѣлъ нетерпѣніемъ увидѣть великаго сановника и что теперь исполненіе моего желанія представится ему наполнило мое сердце счастливымъ и радостнымъ спокойствіемъ. Лестъ моя понравилась беку и побудила его удвоить старанія чтобы перещегоолять въ гостепріимствѣ бека Китабскаго (дастарханъ и подарки были въ большихъ размѣрахъ).

Въ Шаарѣ мы были поручены попеченіямъ близкаго родственника владѣтельнаго бека, Абду-Захидъ-мирахура, домъ котораго и былъ отданъ въ полное наше распоряженіе. Въ этотъ же день мы послѣдили осмотрѣть дворецъ. Акъ-Сарай, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже разрушившійся отъ времени, представляетъ во всякомъ случаѣ замѣчательный историческій памятникъ. Такія величественныя постройки нынѣ не воздвигаются болѣе въ Средней Азіи. Высота стѣнъ и башень, разнообразіе и красота эмалированныхъ на стѣнахъ узоровъ, **** прочность и долговѣчность древней мавританской

* Бій—князь, судья, господинъ, генералъ. У Киргизовъ—судья.

** Диванъ-беги — чинъ гражданскій, начальникъ совѣта, дивана. Это названіе дается также лицу заведующему какими-нибудь хозяйственными дѣлами.

*** Одна сторона Акъ-Сарая имѣетъ 60 аршинъ вышины, другая 65 аршинъ.

**** Узоры составлены изъ вѣданныхъ въ стѣны разноцвѣтныхъ изразцовъ. Несмотря на время, цвѣта великолепно сохранились.

архитектуры служатъ неопровержимыми доказательствами прежняго процвѣтанія и богатства Средней Азіи. Городъ Шааръ былъ родиной Тимура. Здѣсь онъ однажды на *кокъ-буре* * сломалъ себѣ ногу, вслѣдствіе чего и былъ прозванъ Тимуръ-ленгомъ или Тимуръ-аксакомъ, то-есть хромымъ. Объ одной башнѣ Акъ-Сарая сложилось слѣдующее преданіе, которое обыкновенно приводится туземцами въ доказательство какъ преданы были этому эмиру его подданные и какъ они его любили. „Тимуръ очень любилъ сидѣть на вершинѣ этой башни и любоваться великолѣпнымъ видомъ на городъ и его окрестности; однажды, когда онъ тамъ сидѣлъ, ему было подано прошеніе. Вѣтеръ вырвалъ изъ его рукъ бумагу, которая и упала у подножія башни. Тимуръ выразилъ желаніе чтобы прошеніе тотчасъ же было поднято: въ ту же минуту сорокъ приближенныхъ къ нему людей бросились съ вершины башни и всѣ до одного погибли. Пораженный этимъ несчастіемъ, Тимуръ оставилъ башню и болѣе уже не посѣщалъ ее.“

3го іюня пушечные выстрѣлы возвѣстили о пріѣздѣ Сидъ-Музаффаръ-Эддина.

Въ сопровожденіи многочисленной свиты, мы осматривали городъ, который имѣетъ много интереснаго. Изъ особенно замѣчательныхъ зданій, кромѣ Акъ-Сарая, можно указать нѣсколько мечетей, гробницъ святыхъ, большой крытый, съ каменными сводами базаръ, нѣсколько медресе * и наконецъ большую крѣпость, считающуюся одною изъ самыхъ неприступныхъ въ Бухарѣ.

Въ Шаарѣ особенно рѣзко обозначались происки Абдуль-Кадыра, желавшаго насъ удалить отъ эмира. Между прочимъ многими доброжелателями (въ числѣ которыхъ находился мирза-уракъ) ** было мнѣ сообщено что еще въ Ки-

Мозаика эта невольно поражаетъ своею оригинальностью и изяществомъ. Кромѣ этихъ узоровъ стѣны покрыты арабскими надписями, большею частью синяго, чернаго и бѣлаго цвѣта.

* Кокъ-буре—очень опасная скачка, на которой всадники стараются вырвать другъ у друга козла. Побѣдитель всегда пользуется особымъ почетомъ и извѣстностью, какъ лихой наѣздникъ.

** Медресе — училище.

*** Мирза-Уракъ (второй секретарь посланника), какъ человѣкъ умный, четный, прямой и хорошо образованный (насколько можетъ быть только образованъ Азіятецъ), рѣзко отличается отъ сво-

табѣ посланникъ старался убѣдить своего повелителя чтобы намъ не устраивали торжественныхъ встрѣчъ и вообще принимали какъ можно проще. Онъ говорилъ эмиру что мы какіе-то проходимцы, не пользующіеся никакимъ значеніемъ, потому и слѣдовало бы обращаться съ нами по-строже. Узнавъ объ этомъ заговорѣ, я попросилъ муллу Юнусова переговорить тайно съ мирзою уракомъ и, подъ видомъ дружбы и преданности, выставить ему что я не гонюсь за подарками и торжественными пріемами и пріѣхалъ только для исполненія даннаго порученія, что самъ я не большого чина, не хочу выставлять себя въ лживомъ свѣтѣ и очень хорошо понимаю что въ лицѣ моемъ чувствуется мой отецъ, и наконецъ что если со мною будутъ дурно обходиться и выкажется неприязнь какъ ко мнѣ, такъ и вообще къ Русскимъ, то это можетъ повлечь за собою дурныя послѣдствія, которыя обрушатся не на меня, а на тѣхъ кто будетъ идти противъ меня, такъ какъ я русскій чиновникъ, удостоившійся довѣрія своего начальства; врядъ ли положеніе дѣлъ можетъ улучшиться если я, за зло мнѣ сдѣланное, также буду отплачивать зломъ; по моему мнѣнію имъ гораздо лучше будетъ если они откажутся отъ своихъ напрасныхъ угрозъ и интригъ и останутся со мною въ дружескихъ отношеніяхъ. Я былъ увѣренъ что уракъ передастъ эти слова по принадлежности; такъ и случилось. На другой же день Абдулъ-Кадыръ пришелъ ко мнѣ съ новыми изъявленіями дружбы и преданности. Ему видимо было не ловко.

Здѣсь также какъ и въ Китабѣ насъ постарались окружить многочисленными шпіонами, усилія которыхъ развѣдать что-нибудь остались попрежнему тщетными. Особенно интриговали Бухарцевъ частые разѣзды джигитовъ съ письмами отъ меня въ Самаркандъ и обратно. Однако какъ ни велико было ихъ любопытство, вскрыть письма они побоялись.

Утромъ 6го іюня какой-то несчастный старикъ въ рубищахъ, прорвавшись сквозь толлу приставленныхъ ко мнѣ прислужниковъ, вбѣжалъ ко мнѣ въ палатку и сталъ просить о защитѣ. Онъ оказался Узбекомъ и жаловался на то

ихъ соотечественниковъ. Онъ могъ бы принести большую пользу Бухарѣ, но къ несчастію эмиръ не любитъ правдивыя рѣчи, почему и держитъ его въ заголтѣ.

что двѣ его дочери, несмотря на опубликованное запрещеніе продавать невольниковъ, были насильно схвачены и проданы одному богатому Бухарцу, который, не обращая вниманія на рѣшеніе кадіевъ и приказъ эмира, ни за что не хотѣлъ возвратить имъ свободу. Я не считъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ дѣла внутренняго управленія, почему отклонилъ отъ себя рѣшеніе этого вопроса и послѣдшилъ выпроводить старика, посовѣтовавъ ему прямо обратиться къ эмиру.

10го іюня мы почти весь день провели въ саду племянника владѣтельнаго бека, Аллаяръ-бека-токсабы, который, чтобы намъ угодить, сдѣлалъ все что только было въ его силахъ. Пришлось опять насладиться до пресыщенія музыкой, лѣніемъ, танцами и угощеніями. Это пиршество однако едва не было причиной очень трагическихъ событій. Вернувшись домой, я сильно расхворался (захватилъ шахрисабзскую лихорадку) и слегъ въ постель. Болѣзнь моя встревожила всѣхъ, и когда вѣсть о ней достигла до эмира, то послѣдній такъ перепугался,—ему тотчасъ пришла на мысль отравы,—что объявилъ: если мнѣ не будетъ лучше и если со мною случится какое-нибудь несчастіе, то всѣ приставленные ко мнѣ лица, обязанность которыхъ была слѣдить за моею безопасностью, будутъ подвергнуты строжайшему наказанію, первому эта участь угрожала угощавшему насъ Аллаяръ-беку.

Утромъ на слѣдующій день (11го іюня) пріѣхали узнать о моемъ здоровьи отъ имени эмира Дурбинъ-біи* и владѣтельный бекъ. Кромѣ того каждыя четверть часа хозяинъ дома гдѣ мы жили и Абдуль-Кадыръ освѣдомлялись о томъ же. Очень было замѣтно какъ у всѣхъ отлегло отъ сердца и какъ всѣ разомъ повеселѣли когда мнѣ сдѣлалось лучше и я поѣхалъ кататься по городу.

13го іюня пришли Абдуль-Кадыръ и объявилъ что Музафаръ-Эдинъ желаетъ принять насъ на слѣдующій день и въ доказательство своего дружескаго къ намъ расположенія присылаетъ подарки. Лица которымъ удалось часто видѣть эмира и которыя имѣли у него нѣсколько аудіенцій пользуются въ Бухарѣ болѣшимъ значеніемъ и пріобрѣтаютъ особенныя преимущества. Для меня это было важно, такъ какъ могло быть значительнымъ облегченіемъ въ дѣлѣ собиранія раз-

* Младшій совѣтникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ младшій казначей эмира.

ныхъ свѣдѣній, давая доступъ ко многимъ источникамъ которые при другихъ обстоятельствахъ навѣрно были бы закрыты для меня. Однако мое желаніе ближе сойтись съ эмиромъ постоянно встрѣчало противодѣйствіе со стороны Абдуль-Кадыра, ревниваго къ своему вліянію, пріобрѣтенному съ большими опасностями и трудомъ. Борьба эта длилась во время моего пребыванія въ бухарскихъ владѣніяхъ. Съ самаго пріѣзда въ Шааръ, я просилъ передать его высоко-степенству что съ нетерпѣніемъ ожидаю удобнаго случая чтобы еще разъ повидаться съ нимъ. Мы общались и въ то же время откладывали мое второе представленіе въ долгій ящикъ. Наконецъ 13го іюня, какъ я уже сказалъ, меня извѣстили о назначенной на слѣдующій день аудіенціи.

Въ день представленія (14го іюня) въ девять часовъ утра, одѣтые въ мундиры, мы ждали, какъ было условлено, Абдуль-Кадыра чтобы съ нимъ отправиться во дворецъ. Но посланникъ не являлся. Затянутые въ мундиры, мы должны были прождать до трехъ часовъ, испытывая не малые мученія отъ душливаго жара. Нѣсколько разъ я посылалъ сказать бію что мы ждемъ его съ великимъ нетерпѣніемъ и, когда онъ явился наконецъ, далъ ему понять всю неловкость и все неприличіе его обращенія съ нами. Сильно сконфуженный, онъ чувствовалъ свою ошибку и въ безсвязныхъ выраженіяхъ всю вину сваливалъ на эмира, который будто утомившись послѣ тяжелыхъ трудовъ отдыхалъ и никого не впускалъ къ себѣ; конечно все это оказалось выдумкой.

Представленіе обошлось съ обычными церемоніями. Когда я поблагодарилъ эмира за подарки и за расположеніе къ намъ и выразилъ ему какъ я радъ его видѣть въ вождѣльномъ здравіи,—онъ отвѣтилъ что весьма доволенъ нашимъ пребываніемъ въ его владѣніяхъ, постарается чаще видѣться со мною, для чего и сократитъ свое пребываніе въ Шаарѣ и поспѣшитъ въ Бухару, гдѣ будетъ въ состояніи еще нѣсколько разъ принять меня.

15го іюня Абдуль-Кадыръ пришелъ намъ объявить что если мы согласны то можемъ выѣхать изъ Шаара около шести часовъ пополудни, такъ какъ эмиръ вскорѣ за нами послѣдуетъ, и что ему дозволено насъ сопровождать до столицы ханства. По его сіяющему виду, богатому шелковому халату, почетному кинжалу, видѣвшемуся изъ-за

палеваго кушака, и по *берату*, * который былъ воткнуть въ великолѣпную чалму, мы могли замѣтить что онъ удостоился новой милости отъ своего повелителя, съ чѣмъ и послѣшили его поздравить. Музаффаръ-Эддинъ за удачную его поѣздку въ С.-Петербургъ произвелъ его въ *датхи*. ** Не имѣя никакого дѣла въ Шаарѣ, я принялъ съ удовольствіемъ его предложеніе, и въ этотъ же день, когда жаръ началъ спадать, мы снова пустились въ дальнѣйшее странствованіе.

V.

Одаривъ многихъ подарками и распростившись въ Урта-Курганѣ (четыре версты отъ Шаара) съ гостепріимными Шахрисябцами, мы направились къ городу Чиракчи, отстоящему отъ Шаара на четырнадцать верстъ. Дорога все время пролегаетъ по берегу рѣки Кашка-Дарья, по ровной мѣстности, не отличающейся живописностью. Предъ городомъ мы были встрѣчены старшимъ сыномъ Китабскаго владѣтеля, съ многочисленною толпою всадниковъ. Произошелъ по прежнимъ примѣрамъ размѣвъ подарковъ.

Городъ Чиракчи стоитъ на возвышенности, на берегу Кашка-Дарьи. Хотя не очень большой, онъ занимаетъ хорошее стратегическое положеніе и представляетъ изъ себя довольно твердый оплотъ противъ всякихъ нападений.

На слѣдующій день, въ сильнѣйшій жаръ, проѣхавъ двѣнадцать верстъ, мы остановились для отдыха въ Чимъ-Курганѣ, мѣстѣ весьма непривлекательномъ, * оправдывающемъ свое названіе (чимъ-курганъ значитъ холмъ покрытый дерномъ, впрочемъ дерна не было видно ни малѣйшихъ слѣдовъ). Даже узбекскія юрты не были въ состояніи достаточно скрыть насъ отъ душающей жары. Отъѣхавъ три таша, мы достигли Чима, когда-то сильной крѣпости, теперь же незначительнаго кшилака. Въ два часа ночи опять были въ дорогѣ и, слѣлавъ еще нѣсколько ташей, прибыли въ городъ Карши.

* Берать — эмирская грамота.

** Датха — военный чинъ, въ родѣ нашего генералъ-майора.

*** На этомъ мѣстѣ всегда останавливается эмиръ во время своихъ путешествій.

Предъ городомъ насъ выѣхали привѣтствовать лица представленныя эмиромъ въ качествѣ менторовъ къ его сыну, каршинскому беку, Сеидъ-Акрамъ-хану.

Карши одинъ изъ древнѣйшихъ, — если не самый древній, — городовъ Бухарскихъ владѣній. Вмѣщая въ себѣ многочисленное населеніе, онъ растянулся на громадное пространство, имѣетъ довольно высокія зданія * и обширный, крытый, со сводами, базаръ. Это самый богатый и значительный центръ Бухары. Насъ помѣстили въ домѣ называемомъ по-сольскимъ, потому что онъ предназначенъ для пріѣзжающихъ почетныхъ иностранцевъ.

Здѣсь ко мнѣ подошелъ посланный отъ генерала Абрамова Татаринъ и началъ просить моей защиты отъ притѣсненій бухарскихъ властей. Ему было поручено начальникомъ Заравшанскаго округа отыскать трехъ дочерей одной самаркандской жительницы которыя были тайно увезены въ Бухару и проданы въ неволю. Нечаянно проговорившись, онъ навлекъ на себя подозрѣніе Бухарцевъ, которые его продержали пятьдесятъ шесть дней въ Карши въ заключеніи и обращались съ нимъ весьма дурно, несмотря на то что онъ объявилъ себя русскимъ джигитомъ. Чтобы его освободить отъ притѣсненій я старался убѣдить Абдуль-Кадыра въ неблаговидности поступка бухарскихъ властей. Послѣ долгихъ усилій, мои настоянія имѣли наконецъ успѣхъ, и онъ былъ отправленъ обратно въ Самаркандъ съ приличными подарками.

18го іюня мы представлялись владѣтельному беку, который вовсе не былъ краснорѣчивъ и ограничился только обычными привѣтствіями, и то подсказанными Абдуль-Кадыромъ. Сеидъ-Акрамъ-ханъ, третій сынъ эмира, хотя еще весьма юный (восемнадцати лѣтъ), уже носилъ признаки бухарской испорченности. Его истомленный видъ, болѣзненная блѣдность, безсвязныя рѣчи ясно свидѣтельствовали о недостаткѣ всякаго нравственнаго и умственнаго развитія. Онъ произвелъ на насъ очень грустное и тяжелое впечатлѣніе. Кромѣ того видно что онъ залуганъ своими совѣтниками, управляющими бекствомъ его именемъ.

19го іюня мы оставили Карши, переѣхали по каменному

* Въ Средней Азіи только въ старинныхъ городахъ можно увидѣть высокіе дома.

мосту Камка-Дарью и съ большимъ трудомъ, по очень скверной дорогѣ, постоянно переправляясь черезъ глубокіе и широкіе арыки, добрались до Корсана, большого кишлака, извѣстнаго своимъ базаромъ. Корсанъ былъ когда-то цвѣтущимъ городомъ, отъ котораго осталась только развалившаяся крѣпость.

На слѣдующій день, одолѣвъ четыре таша, мы остановились въ кишлакѣ Ходжа-Мубарекъ, — также древній городъ, о чемъ свидѣлствуютъ большія развалины. Отсюда Камка-Дарья направляется на югъ и теряется въ пескахъ. По дорогѣ очень много *сардоба*, крытыхъ колодцевъ, построенныхъ еще знаменитымъ эмиромъ Абдулла-ханомъ, очень заботившимся облегчить путешествія чрезъ безконечныя песчаные пространства, занимающія всю середину бухарскихъ владѣній.

Ходжа-Мубарекъ расположенъ на краю громадной Каршинской степи, въ которую мы и вѣхали 21го іюня. Оставивъ за собою три таша, мы сдѣлали привалъ у большого колодца Чули-Какыра.*

При степныхъ колодцахъ построены сараи, весьма удобные для остановокъ и представляющіе хорошее убѣжище отъ часто дующихъ степныхъ вихрей. Не разъ приходилось съ благодарностью вспоминать объ Абдулла-ханѣ. Безъ этихъ построекъ было бы невозможно переѣзжать степи гдѣ путешественникъ легко можетъ сбиться съ дороги или же быть засененнымъ пескомъ.

Безконечно въ даль тянутся многочисленные песчаные холмы, по благоусмотрѣнію вѣтра мѣняющіе свои мѣста. Кое-гдѣ виднѣются мелкіе колючіе кустарники. Рѣдко встрѣчаются путники; трудно найти дорогу въ этихъ степяхъ; это возможно только привычному глазу, мѣстами иногда торчащіе изъ-подъ песка скелеты указываютъ ея направление. Въ иныхъ мѣстахъ попадаетъ и твердый грунтъ, образующійся отъ многочисленныхъ солончаковъ, сухихъ лѣтомъ и толкихъ осенью.

На одинъ ташъ отъ Какыра отстоитъ другой большой сардоба, Бузачи**, гдѣ въ прежнія времена былъ притонъ

* Чули — степь.

** Назвалъ этотъ сардоба такъ потому что разбойники въ немъ жившіе опивались бузой. Буза — одуряющій напитокъ, дѣлаемый изъ риса и проса.

разбойниковъ. Послѣ отдыха, въ двѣнадцать часовъ ночи мы пустились далѣе по глубокому песку перемѣшанному со множествомъ каменьевъ, которые представляли большія затрудненія нашимъ утомленнымъ лошадямъ. Несмотря на эти препятствія мы употребили менѣе четырехъ часовъ на проѣздъ четырехъ съ половиною ташей; почти все время приходилось ѣхать рысью чтобы не отстать отъ посланника, который опережалъ всѣхъ на своемъ великолѣпномъ иноходцѣ. Наконецъ послѣ долгихъ усилій мы оставили мрачную степь съ ея горячимъ вѣтромъ и жгучимъ пескомъ и ступили на болѣе привлекательную почву. Въѣхавъ на небольшую каменистую гору мы немного остановились чтобы полюбоваться великолѣпною картиною, разомъ раскинувшуюся предъ нами. Большое озеро тянулось направо и ярко отражало первые лучи восходящаго солнца. Весело было смотрѣть на разноцвѣтную зелень многочисленныхъ полей и садовъ. А въ дали, окруженные тѣнистыми деревьями, возвышались башни, мечети, медресе и дворцы. Это была знаменитая Бухара—цѣль нашего путешествія. Особенно для насъ это зрѣлище было отрадно послѣ безотрадной степи которую мы только-что покинули.

VI.

Чтобы приготовиться къ торжественному въѣзду въ Бухару, мы должны были сперва остановиться въ маленькомъ кишлакѣ. Здѣсь мы познакомились съ выѣхавшими къ намъ на встрѣчу тремя сыновьями Абдуль-Кадыра. Послѣдній ташъ мы, окруженные многочисленными всадниками, сдѣлали медленнымъ шагомъ, строго соблюдая бухарскій церемоніаль. Наконецъ мы могли отдохнуть отъ долгаго путешествія, и потому съ не малымъ удовольствіемъ слѣзли съ лошадей и вошли въ одинъ изъ лѣтнихъ, загородныхъ, эмирскихъ дворцовъ, отведенный намъ на все время нашего пребыванія въ Бухарѣ.

Загородный дворецъ этотъ называется Тальчой. * Его многочисленные и разнообразные балконы, галлерей, маленькія окна, украшенныя рѣзьбой, большое количество двори-
ковъ, очень напоминаютъ наши старинныя боярскіе терема.

* Тальча—значить зеленый холмъ.

Въ комнатахъ нѣтъ мебели, но за то богатые ковры и мягкія шелковыя и бархатныя подушки ее вполне замѣняютъ. Очень изящная лѣсная работа на стѣнахъ и разноцвѣтные узоры на потолкахъ придаютъ комнатамъ весьма оригинальный и веселый видъ. Довольно большой садъ, распланированный на европейскій образецъ, представляетъ пріятное убѣжище отъ жары. Въ серединѣ его прудъ, очень чисто содержимый, распространяетъ благодѣтельную свѣжесть. У самого пруда была раскинута для насъ роскошная палатка, принадлежавшая эмиру.

23го июня, въ девять часовъ утра, состоялось при торжественной обстановкѣ наше представленіе кумбегу (первому министру) Мухаммедъ-бію-Инаку. * Очень представительный по наружности, бухарскій визирь съ перваго же знакомства пріобрѣлъ нашу симпатію своею разговорчивостью и веселостью. Принимая насъ съ неподдѣльнымъ радушіемъ, онъ изъ кожи лѣзъ чтобы намъ угодить. ** Навѣрно въ разговорѣ съ нами онъ далъ бы волю откровенности, еслибы не присутствіе его сына и Абдуль-Кадыра, которые видимо его стѣсняли и пугали. Поблагодаривъ его за гостепріимство и получивъ позволеніе безпрепятственно развѣзжать по городу, мы распростились. При этомъ онъ просилъ извинить его если ему не удастся до возвращенія эмира пріѣхать ко мнѣ съ визитомъ, такъ какъ въ качествѣ временнаго коменданта города Бухары онъ не имѣетъ права выѣзжать далѣе городскихъ воротъ, но что непременно это исполнить какъ только представится возможность. Я поблагодарилъ его за намѣреніе и сказалъ что все-таки не теряю надежды увидѣть его у себя.

Въ этотъ же день меня посѣтили довѣренныя нашихъ купцовъ: Дюкова—Александръ Агѣевъ и Коншина—Феодоръ Козинъ. Третій, Мухамедъ-Джанъ — довѣренный Веснина, былъ въ отсутствіи, я его увидѣлъ послѣ. Какъ отъ нихъ, такъ и отъ другихъ лицъ мнѣ удалось собрать о торговлѣ въ Бухарѣ нѣкоторыя свѣдѣнія которыя считаю полезнымъ помѣстить здѣсь.

Такъ какъ торговля составляетъ одну изъ доходнѣйшихъ статей для эмира то на нее и обращено особенное его

* Кумбегу и его сынъ родомъ Персіяне, были рабами. Оба возвысились женившись на отставныхъ женахъ эмира.

** Особенно это высказалось въ подаркахъ намъ поднесенныхъ.

вниманіе. Чтобы купцы не могли увернуться отъ платежа установленной пошлины, существуютъ многочисленные закятчи съ цѣлымъ штатомъ помощниковъ. Главный надзоръ порученъ главному закятчию—это мѣсто теперь занимаетъ сынъ кушбеги, который въ то же время исполняетъ должность казначея эмира. Кромѣ того для веденія торговыхъ дѣлъ и для наблюденія за правильностью торговли имѣются торговые аксакалы.* Хотя за сборомъ торговой пошлины весьма зорко слѣдятъ, однако чины торговцы умудряются ускользнуть отъ ея уплаты. Приведу слѣдующій примѣръ: Бухарцы, ввозя въ наши предѣлы товары, получаютъ закятныя квитанціи въ удостовѣреніе того что товарная пошлина уплачена. Эти квитанціи секретно передаются или перепродаются въ другія руки, и такимъ образомъ могутъ служить нѣсколькимъ лицамъ (тождественность лица весьма трудно провѣрить въ Средней Азіи), которыя, пользуясь этимъ, провозятъ свои товары бесплатно. Чтобы труднѣе было узнать истину, Бухарцы стараются брать квитанціи изъ городовъ болѣе отдаленныхъ отъ границы, на примѣръ изъ Джизака, Ходжента и др. Обманывая нашихъ чиновниковъ, Бухарцы такимъ же способомъ вводятъ въ обманъ и своихъ.

Привозимые товары складываются въ нарочно для того устроенные караванъ-сарай.** Сарай эти отдаются въ пользованіе арендаторамъ, вслѣдствіе чего купцы принуждены платить кромѣ обыкновеннаго ($2\frac{1}{2}\%$) зякета, еще за помѣщеніе товаровъ въ сараяхъ. Последняя плата не опредѣлена точно и вполне зависитъ отъ произвола арендаторовъ, надзоръ за которыми весьма слабъ.

Во время моего пребыванія въ Бухарѣ, цѣны на нѣкоторые бухарскіе товары были слѣдующія:

Бумага хлопчатая отъ 7 до $9\frac{1}{2}$ тенегъ (теньга, серебряная монета въ 20 коп.) за 20 фунтовъ;

Шелкъ-сырецъ отъ 175 до 180 тенегъ за 10 фунт.;

Черный каракуль (шкурки съ маленькихъ барановъ) отъ 135 до 130 тенегъ за 10 штукъ;

* Старшій торговый аксакалъ постоянно живетъ въ Бухарѣ. Теперь эту должность занимаетъ весьма почтенный человѣкъ—Мирза-Ша-аксакалъ, пользующійся большимъ вліяніемъ.

** Въ Бухарѣ такихъ сараевъ 155.

Данадаръ * отъ 100 до 150 тенегъ за 10 штукъ;

Миша ** отъ 120 до 130 тенегъ за 100 кожъ;

Бухарская пряжа 200 тенегъ за 6½ пудовъ;

Выбойка большемѣрная 460 тенегъ за 100 штукъ;

Выбойка маломѣрная отъ 185 до 200 тенегъ за 100 шт.

Чай идутъ болѣе всего въ Бухару изъ города Мамбая (такъ мнѣ сказали). Больше спроса на слѣдующіе сорта:

Баладуръ высшій сортъ—отъ 90 до 95 тиллей (золотая монета въ 5 руб. 20 коп.) за 160 фунтовъ;

Яхакъ, крулный и мелкій—70 тиллей за 160 фун.;

Кумышъ, высшій сортъ—отъ 45 до 60 тиллей за 160 фун.;

Акъ-куйрюкъ—35 тиллей за 160 фунтовъ, и

Альма ***—16 тиллей за 160 фунтовъ.

Большая часть шелковичныхъ коконовъ направляется черезъ Авганистанъ въ Индію и Англію. Вообще цѣны стояли довольно низкія, и купцы жаловались на дурную торговлю.

Кромѣ отдѣльных лавокъ **** и караванъ-сараевъ существуютъ для продажи товаровъ многочисленныя базары. Самыми значительными могутъ считаться Бухарскій, Каршинскій и Гиссарскій.

Базары бываютъ постоянные и временные; на нихъ всегда стекается множество народа. Кромѣ торговаго значенія базары имѣютъ политическое, потому что служатъ центромъ распространенія разныхъ слуховъ, новостей, словомъ, играютъ роль нашихъ газетъ.

Одно время преобладавшіе на бухарскихъ рынкахъ англійскіе товары теперь совсѣмъ вытѣснены русскими. Англійскихъ товаровъ теперь очень мало въ Бухарѣ и распродаютъ они плохо.

Изъ англійскихъ товаровъ болѣе всего ситца, коленкору и металлическихъ издѣлій; только послѣднія имѣютъ хорошій сбытъ, что же касается англійскихъ ситцевъ и кисей, то хотя они и лучшей доброты чѣмъ русскіе, покупаются однако неохотно, потому что русскіе продаются за полцѣны.

Временами много товаровъ привозятъ Авганцы и Индійцы, которые, слыша скорѣе выручить деньги, продаютъ по деше-

* Данадаръ—мелкая мердущка, зернистая.

** Миша—сырая баранья кожа для обуви.

*** Кирпичный, въ видѣ яблока. Альма—значитъ яблоко.

**** Въ Бухарѣ насчитываютъ до 200 лавокъ съ краснымъ товаромъ.

вымъ цѣнамъ (очень часто себѣ въ убытокъ), чѣмъ очень портятъ цѣны. Но эта конкуренція не опасна, такъ какъ непостоянна и недолговременна. Продавъ товары свои, Аванганды и Индійцы, а также и Евреи стараются приобрести русское золото, которое и вывозятъ въ большомъ количествѣ въ Индію. Мнѣ самому приходилось нѣсколько разъ убѣждаться какъ много въ Бухарѣ русскаго золота и стараго русскаго серебра. Итакъ первенство въ торговлѣ, конечно послѣ мѣстныхъ произведеній, безспорно принадлежитъ русскимъ товарамъ. Чтобы дать болѣе наглядное понятіе о нашей торговлѣ съ Бухарою, привожу здѣсь перечень тѣхъ русскихъ товаровъ которые ввозятся въ Бухару и на которые спросъ болѣе распространенъ, съ обозначеніемъ приблизительно цѣнъ по которымъ они продаются:

Ситецъ Нарвской мануфактуры за кусокъ въ 50 аршинъ отъ 26 до 32 тeneгъ.

За кусокъ въ 40 аршинъ отъ 18 до 24 тeneгъ.

Однокубовый ситецъ за кусокъ въ 40 аршинъ 26 тeneгъ.

Розовая сарлинка за кусокъ въ 30 аршинъ 21 теньга.

Голубая 17 тeneгъ.

Ситецъ Коншина за кусокъ въ 50 аршинъ 35 тeneгъ.

Ситецъ Зубова, пунцовый, 60 тeneгъ.

Ситецъ Гандурина, зеленый, отъ 21 до 22 тeneгъ.

Ситецъ Меньщикова тоже.

Ситецъ Кокушкина отъ 20 до 22 тeneгъ.

Ситецъ Фокина 19 тeneгъ.

Тикъ Соколова за кусокъ въ 40 аршинъ 1й сортъ 60 тeneгъ.

Ситецъ Сидорова 50 тeneгъ.

Ситецъ Шереметева, 2й сортъ, 27 тeneгъ.

Сукно алое и розовое за кусокъ въ 20 аршинъ 80 тeneгъ.

Сукно Поталова тоже.

Карамели 37 тeneгъ за пудъ.

Леденецъ 47 тeneгъ за пудъ.

Сахаръ 22-фунтовой 51 теньга за пудъ.

Песокъ сахарный 45 за пудъ.

Олово прутковое 80 тeneгъ за пудъ.

Орѣшки чернильные, черные 40 тeneгъ за пудъ.

Бѣлые 30 тeneгъ за пудъ.

Кошениль черная 250 тeneгъ за пудъ.

Стрѣя 220 тeneгъ за пудъ.

Полотно въ кускѣ 30 аршинъ 32 теньги.

Коленкоръ лощеный, въ кускѣ 50 аршинъ, 17 тенегъ.

Красная юфта отъ 310 до 400 тенегъ за 10 кожъ.

Бумага прядильная, утокъ $\frac{38}{40}$, Нарвской мануфактуры, 27 тенегъ за пачку.

Лодерской мануфактуры 27 тенегъ за пачку и т. д.

Наши купцы обыкновенно отправляютъ свои караваны изъ Оренбурга черезъ Казалу прямо въ Бухару. Каждый караванъ состоитъ только изъ пятидесяти навьюченныхъ верблюдовъ, — болѣе за одинъ разъ не посылаютъ, такъ какъ это значительно замедляло бы движеніе каравана. Кроме нашихъ купцовъ, много бухарскихъ торговцевъ занимаются продажей русскихъ издѣлій, вывозя ихъ изъ Россіи (больше съ Нижегородской ярмарки). Исключительно для русскихъ товаровъ въ Бухарѣ отведены караванъ-сарай: Аимъ, Ташкентъ, Абдуль-Хакимъ, Погай (для Татаръ) и базары.

Въ настоящее время, какъ я уже упомянулъ, въ Бухарѣ находятся довѣренныя нашихъ купцовъ: Агѣевъ, довѣренный оренбургскаго купца Дюкова, Козинъ, довѣренный московскаго купца Коншина и Татаринъ Мухамедъ-Джанъ и Юдинъ, довѣренные ростовскаго купца Веснина. Первые трое живутъ въ городѣ Бухарѣ, а послѣдній въ Керминѣ. Вообще они довольны своимъ положеніемъ; Бухарцы ихъ не притѣсняютъ и торговлю ведутъ они довольно успѣшно. Я ихъ познакомилъ съ главнымъ зачетчи-емъ и Абдуль-Кадыромъ, которыхъ просилъ, въ случаѣ необходимости, оказывать довѣреннымъ покровительство и содѣйствіе.

Кромѣ вышеизложеннаго, отъ нихъ я узналъ еще слѣдующее:

Плата за русскіе товары производится на теньги по курсу, который иногда стоитъ очень высоко, смотря потому слѣшится ли продавецъ сбыть свой товаръ. Цѣна теньги доходить отъ 27 до 40 копѣекъ. Это происходитъ тогда когда требуется немедленная уплата. Чтобы не подвергаться большимъ убыткамъ, которые были бы неизбежны при высокомъ курсѣ на теньгу, наши довѣренные принуждены поневолѣ торговать въ кредитъ, потому что въ этомъ случаѣ курсъ на теньгу почти не принимается въ разчетъ*.

* Во время моей поѣздки курсъ на русскія бумажныя деньги былъ въ Шахрисабзѣ 70 коп. за рубль и въ Бухарѣ 98 коп.

Бухарцы неохотно тотчасъ же платятъ за купленный товаръ, большею частью покупаютъ его въ кредитъ съ разсрочкой уплаты, иногда на довольно продолжительное время. При этомъ для русскихъ торговцевъ бываетъ еще та выгода что при повышеніи цѣны на какой-нибудь товаръ достоинство теньги понижается и доходитъ отъ 20 до 18 копѣекъ. Но если продажа въ кредитъ представляетъ нѣкоторыя выгоды, за то съ другой стороны она имѣетъ большія невыгоды. Такъ, въ Бухарѣ продажа происходитъ большею частию на извѣстный срокъ, безъ всякихъ документовъ,—требуется только личное присутствіе маклера (или вообще какого-нибудь должностнаго лица), который назначается отъ правительства. Конечно, такое голословное свидѣтельство, хотя и officialнаго лица, о совершившейся продажѣ далеко не достаточно и не можетъ служить хорошею гарантіею. Бухарцы обыкновенно не отказываются отъ уплаты за забранный товаръ, только рѣдко производятъ ее въ сроки. * Однако случается тоже что они совершенно не уплачиваютъ своихъ долговъ (чему главною причиною бываютъ частыя банкротства) и тѣмъ сильно подрываютъ нашу торговлю. Изъ всего этого ясно видно на какихъ шаткихъ основаніяхъ держится торговля Русскихъ въ Бухарѣ и какимъ большимъ опасностямъ подвергаются интересы нашихъ купцовъ. Поэтому довѣренныхъ нашихъ весьма интересуетъ вопросъ: какъ обезопасить нашу торговлю въ Бухарѣ. Чтò конечно послужило бы къ большому ввозу русскихъ товаровъ. (Они очень надѣялись на учрежденіе торговаго консульства въ Бухарѣ или же на дозволеніе обезпечивать продажу законными документами.) Другая ихъ жалоба относится къ закѣту въ $2\frac{1}{2}\%$ который теперь взимается эмиромъ съ вывозимаго хлопка. Этотъ лишній платежъ противорѣчитъ главному правилу по сбору закѣта (было постановлено со всѣхъ ввозимыхъ товаровъ брать $2\frac{1}{2}\%$ съ правомъ вывезти бесплатно товаровъ на сумму равную ввозимымъ) и тяжело ложится на нашихъ купцовъ; кромѣ того взимается десятая часть съ вывозимой изъ Бухары звонкой монеты.

* При уплатѣ на каждыя двадцать тенегъ даютъ одну теньгу пулами, чтò весьма затрудняетъ счеты, такъ какъ въ одной теньгѣ (20 коп.) заключается 64 пулы. (Пула — маленькая, но тяжеловѣсная мѣдная монета).

VII.

На слѣдующій день прїѣзда въ Бухару, то-есть 24го іюня, я познакомился съ саратовскимъ Татаринѣмъ Каратаевымъ (въ Бухарѣ его зовутъ Уста-Али). Онъ преданъ Русскимъ, и, несмотря на то что занимаетъ при эмирѣ ничтожную должность придворнаго часовщика, * имѣетъ большое вліяніе на Бухарцевъ. Послѣ перваго же свиданія онъ предложилъ свои услуги — доставлять мнѣ разныя свѣдѣнія, что и исполнилъ очень добросовѣстно и успѣшно, не обращая вниманія на опасности которыя были съ этимъ сопряжены. Али-Мухамедъ-Каратаевъ, сынъ купца второй гильдіи, изъ города Хвалынска, Саратовской губерніи, не имѣя возможности уплачивать гильдейскія повинности, въ 1854 году прибылъ въ Бухару, гдѣ и нанялся за 300 рублей у бухарскаго купца Рахимъ-Бая, караванъ-баши, для постройки мукомольныхъ мельницъ. Въ то же время онъ не бросалъ своего любимаго мастерства — издѣлія часовъ. Заработанныя деньги онъ посылалъ въ Россію для уплаты повинностей. Когда же Рахимъ-Бай умеръ, Каратаевъ захотѣлъ вернуться на родину, но эмиръ Насрулла (отецъ Музаффаръ-Эддина), видя въ немъ человѣка полезнаго, насильно задержалъ его и запретилъ ему выѣздъ изъ бухарскихъ владѣній (ему было назначено содержаніе по 280 тенегъ и 16 батмановъ хлѣба въ годъ). Некому было за него хлопотать, и всѣ его просьбы оставались безъ послѣдствій. Теперешній эмиръ, Сеидъ-Музаффаръ, даже приказалъ, подѣ страхомъ наказанія, совсѣмъ не принимать его прошеній. Долгое время находясь въ бѣдственномъ положеніи, Каратаевъ едва былъ въ состояніи пропитывать себя. Нѣсколько разъ онъ пытался бѣжать, но за нимъ зорко слѣдили и каждый разъ его возвращали назадъ. Ему volens nolens пришлось покориться своей участи и терпѣливо ожидать спасенія въ будущемъ; часто жизнь его была въ опасности и только знаніе страны и жителей помогло ему избѣгать опасностей съ которыми приходилось бороться на каждомъ шагѣ. Уже двадцать лѣтъ какъ онъ жи-

* Одно изъ его произведеній, большіе стѣнные часы, красуются на воротахъ дворца въ городѣ Бухарѣ.

ветъ въ Бухарѣ; въ это время ему пришлось испытать многое: то онъ былъ переводчикомъ у эмира и сопровождалъ его во всѣхъ походахъ, то командовалъ артиллеріей (впрочемъ недолго, такъ какъ былъ признанъ неспособнымъ), то исполнялъ должность придворнаго часовщика, то наконецъ, впадая въ немилость, бѣдствовалъ въ нищетѣ. Теперь онъ исполняетъ обязанности главнаго переводчика и пользуется большимъ значеніемъ. Преданность его Россіи имѣетъ очевидныя доказательства. Благодаря его заступничеству, многіе русскіе плѣнники, между прочимъ гг. Струве, Глуховской и другіе, спаслись отъ смертной казни. Неоднократно ему удавалось удерживать эмира отъ непріязненныхъ дѣйствій противъ Русскихъ. * Замѣчая его расположеніе къ Русскимъ, Бухарцы нѣсколько разъ порывались запретить ему приходить ко мнѣ; однако, когда я сталъ выражать непремѣнное желаніе видѣть старика, они побоялись отказать мнѣ.

Получивъ отъ генерала Колпаковского приказаніе переговорить съ кушбегу по нѣкоторымъ дѣламъ, я отправился къ нему вмѣстѣ съ г. Чалышевымъ. Хотя пріемъ былъ по обыкновенію очень радушенъ, все-таки было довольно трудно говорить о дѣлахъ съ кушбегу, который избѣгалъ положительныхъ отвѣтовъ, видимо стѣснялся и даже не постарался скрыть свою радость и облегченіе когда свиданіе пришло къ концу. Бухарцы вообще неохотно говорятъ съ Русскими о дѣлахъ, относятся съ большимъ недовѣріемъ и избѣгаютъ высказывать свое мнѣніе. Они убѣждены что ихъ хотятъ непремѣнно обмануть, выпытать истину; а потому чтобы не подпасть гнѣву эмира за излишнюю болтливость, они или отмалчиваются, или же отвѣчаютъ совершенно ничего не значащими фразами. Понятно такой способъ переговоровъ не можетъ способствовать скорѣйшему рѣшенію дѣлъ.

26го іюня я посѣтилъ нашихъ торговцевъ, что, какъ я узналъ въ послѣдствіи, значительно повысило ихъ положеніе между Бухарцами. Отъ нихъ, вслѣдствіе официального приглашенія, мы поѣхали въ гости къ Абдуль-Кадыру, который задержалъ насъ у себя до слѣдующаго утра. Всѣ эти визиты

* Удивительно какъ этотъ старикъ, пробывъ двадцать лѣтъ въ Бухарѣ, не забылъ еще русскаго языка.

были очень утомительны, такъ какъ повсюду преслѣдовалъ насъ скучный бухарскій этикетъ.

Называя себя самымъ преданнымъ нашимъ другомъ, Абдуль-Кадыръ попрежнему продолжалъ вести свои интриги противъ насъ. Онъ началъ убѣждать насъ что эмиръ не скоро пріѣдетъ въ Бухару, что мы напрасно будемъ его ждать, словомъ, старался поскорѣе выпроводить. Сперва я было и хотѣлъ послѣшить своимъ возвращеніемъ въ Самаркандъ, но потомъ, посоветовавшись съ благонамѣренными людьми и прислушавшись къ народнымъ толкамъ, измѣнилъ свое намѣреніе и рѣшилъ непремѣнно дождаться пріѣзда эмира. Причины къ этому рѣшенію были основательныя: въ народѣ распространился слухъ будто эмиръ нами не доволенъ и намѣренъ подвергнуть насъ строгому обращенію, будто мы обманщики и самозванцы и т. п., кромѣ того я узналъ что Абдуль-Кадыръ, вступивъ въ тайную борьбу съ кушбеги, постоянно доносилъ эмиру (донесенія были редактированы мирзою Вахабомъ, шпіономъ посланника) что мы всѣмъ недовольны, все бранимъ и критикуемъ, стараемся втереться въ дружбу Бухарцевъ чтобъ обо всемъ подробно доложить въ Петербургъ; въ то же время кушбеги, съ своей стороны, представлялъ эмиру совершенно противоположныя извѣстія, что мы люди тихіе, доброжелательно относимся къ Бухарцамъ, довольны ихъ радушіемъ, за которое и стараемся отплатить добромъ и благодарностью. Это противорѣчіе не ускользнуло отъ эмира и побудило послѣдняго ускорить свой пріѣздъ въ Бухару чтобъ убѣдиться самому кто правъ и кто виноватъ.

28го іюня я былъ извѣщенъ что эмиръ проситъ меня дождаться его прибытія, такъ какъ непремѣнно желаетъ еще разъ принять меня. Когда Абдуль-Кадыръ убѣдился въ своей ошибкѣ, онъ немедленно перемѣнилъ тактику и принялся увѣрять эмира что онъ былъ обманутъ ложными доносами.

29го іюня я нечаянно проговорился что это день именинъ моего отца. Каратаевъ услышавъ объ этомъ послѣшилъ сообщить всему городу и внушить Бухарцамъ что они должны достойнымъ образомъ отпраздновать этотъ день; вслѣдствіе чего съ самаго утра начались поздравленія. Всѣ высшія должностныя лица перебивали у меня съ визитомъ. Весь день у меня въ саду играла военная музыка, а вечеромъ былъ сожженъ фейерверкъ (устройства Каратаева).

День окончился роскошнѣйшимъ ужиномъ съ участіемъ многочисленныхъ сановниковъ. За это вниманіе я отблагодарилъ подарками кого только было возможно.

Слѣдующимъ днемъ я воспользовался чтобы посѣтить кишлакъ Богоеддинъ (отстоящій на одинъ ташъ отъ Бухары), гдѣ похороненъ извѣстный мусульманскій святой, именемъ котораго названо это селеніе. Къ этому мѣсту стекается множество поклонниковъ, особенно нищихъ, очень нахальныхъ, отъ которыхъ просто прохода нѣтъ. Властители Бухары также часто посѣщаютъ это святилище. Въ этомъ кишлакѣ достойны вниманія мечети древней мавританской архитектуры. Особенно замѣчательны высокія колонны сѣраго мрамора, потолки украшенные великолѣпными рисунками и большія люстры русскаго издѣлія (сдѣланныя въ Россіи на заказъ). Гробница святаго, сдѣланная по образцу прочихъ бухарскихъ мавзолеевъ, окружена оградой, у которой возвышается большой шестъ со знаменемъ изъ конскаго волоса и разныхъ старыхъ тряпокъ на концѣ. На гробницѣ виднѣется мраморная доска, исписанная молитвами на арабскомъ языкѣ. Населеніе кишлака состоитъ большею частью изъ ходжей, потомковъ святаго Богоеддина. Ходжи приняли насъ весьма радушно, за то нищіе разорвали бы насъ на части, еслибы мы не были оберегаемы полицейскими. По моему порученію мулла Юнусовъ бросалъ деньги въ толпу; то же самое онъ дѣлалъ на возвратномъ пути нашемъ изъ Бухары къ Катта-Кургану. Эта благотворительность даже необходима въ Бухарѣ, потому что располагаетъ массы въ пользу благотворителя, воспоминанія о которомъ запечатлѣваются на долго.

2го іюля мы ѣздили въ гости къ богатому бухарскому купцу, Мансуръ-Баю, много путешествовавшему и часто посѣщавшему Россію. Онъ показалъ намъ довольно хорошо удавшіяся посадки американскаго хлопка.* Затѣмъ мы смотрѣли размотку коконовъ, производство бархата и шелковыхъ матерій. Все это, конечно, находится въ первобытномъ состояніи и нуждается въ большихъ измѣненіяхъ и улучшеніяхъ.

* Сѣмена американскаго хлопка были подарены эмиру нашимъ правительствомъ съ цѣлью улучшить въ Бухарѣ хлопокъ, такъ какъ бухарскій хлопокъ все болѣе и болѣе вырождается и дѣлается хуже по причинѣ небрежнаго ухода за нимъ.

Хотя въ разное время было написано много статей о земледѣліи въ Средней Азіи, я рѣшаюсь однако сообщить здѣсь тѣ свѣдѣнія которыя собралъ въ Бухарѣ по этому вопросу и которыя не лишены нѣкотораго интереса.

Положеніе Бухары придадо здѣсь земледѣлію особенный характеръ. Сильные жары и вѣтры изсушили бы окончательно почву, не совсѣмъ доброкачественную (мѣстами глинистую, мѣстами песчаную и солонцоватую; чернозема почти нѣтъ), еслибы жители не пользовались разлитіемъ рѣкъ и не проводили многочисленныхъ арыковъ. * Слѣдовательно плодородіе въ Бухарѣ вполне зависитъ отъ количества воды которою наводняются поля. Міанкальская и Шахрисабзская долины, какъ самыя близкія къ рѣкамъ, самыя урожайныя. Но первая почти цѣликомъ вошла въ составъ нашихъ владѣній, и главнѣйшими житницами Бухары остались только Шахрисабзская долина и бекства Зіаддинское и Хатырчанское. Роль египетскаго Нила исполняетъ въ Бухарѣ Заравшанъ, который спасаетъ своею цѣлительною влагой Заравшанскій округъ отъ засухи. Распределеніе воды на такомъ большомъ пространствѣ весьма затруднительно и зависитъ отъ высоты до которой вода доходитъ при разливахъ; отчего иной годъ всѣ поля заливаются водою, въ другой же годъ, напротивъ, жители принуждены довольствоваться наводненіемъ только незначительной части обработанныхъ земель. Такъ какъ главное теченіе Заравшана находится въ нашихъ предѣлахъ, то и ежегодное распределеніе его воды принадлежитъ нашему правительству, которое, заведя этимъ дѣломъ, имѣетъ значительное преимущество предъ Бухарцами и можетъ всегда принудить послѣднихъ, поражая въ самыхъ насущныхъ потребностяхъ, быть осторожными въ своихъ отношеніяхъ къ Россіи. Стоить только задержать воду и Бухара будетъ находиться въ крайнемъ положеніи. Почти каждый годъ между нашими и бухарскими пограничными властями возникаютъ пререканія по этому вопросу. Теперь эти пререканія усилились потому что задерживается большее противъ обыкновеннаго количество воды для Заравшанскаго округа, въ которомъ ежегодно увеличиваются обрабатываемыя земли. Для разрѣшенія этого вопроса и чтобы не лишить Бухару необходимаго для нея

* Арыкъ—канавы.

количества воды, генераль-майоръ Абрамовъ отправилъ къ Заравшану особаго чиновника, на котораго возложена обязанность хорошенько ознакомиться съ теченіемъ помянутой рѣки и ея притоковъ и исчислить сколько возможно и необходимо пускать воды какъ въ наши, такъ и въ бухарскія владѣнія.

Лучшія земли въ Бухарѣ, какъ я уже сказалъ, и наиболѣе обработанныя расположены по Заравшану, но земель этихъ не особенно много. Вторыми по качеству могутъ быть названы земли въ Шахрисабзской долинѣ и отчасти въ окрестностяхъ города Карши. Поля дѣлятся на таналы, величина которыхъ приблизительно равняется 600 квадратнымъ аршинамъ, то-есть четвертой части десятины (въ Ташкентѣ таналь составляетъ одну шестую часть десятины). Несмотря на наводненія, земли требуютъ частаго удобренія: на таналь, какъ меня увѣряли, идетъ обыкновенно отъ 100 до 150 ишачьихъ (ослиныхъ) выюковъ навоза (мѣшанаго); каждый выюкъ стоитъ двадцать копѣекъ. Только поспѣвы на горахъ нуждаются въ меньшемъ удобреніи.

Въ Бухарѣ принято трехпольное хозяйство — двѣ части полей находятся обыкновенно подъ поспѣвомъ, а одна подъ паромъ. Въ сѣвооборотъ не входятъ земли занятыя огородами. Съ каждаго клена снимаются двѣ жатвы, изъ которыхъ первая называется кукъ, а вторая акъ. * Такъ въ концѣ февраля застѣвается яровая пшеница, въ маѣ мѣсяцъ она снимается, а на ея мѣсто сѣются уже въ іюнѣ либо какія-нибудь масличныя растенія, либо овощи, которыя въ свою очередь снимаются въ теченіе сентября. На слѣдующій годъ участокъ этотъ остается подъ паромъ.

Пашутъ обыкновенно волами, но часто ярмо надѣвается и на лошадей. Плуги первобытнаго устройства и весьма плохи. Бороны ходятъ на нашу, только имѣютъ два ряда желѣзныхъ клиньевъ, по семи въ каждомъ; клинья покрыты доской на которую становится работникъ. ** Чтобы не истощать землю, хлѣба перемежаются съ овощами и травами. Для примѣра привожу здѣсь нѣкоторыя произведенія бухар-

* Кукъ — зеленый, когда снимаются овощи и др. Акъ — бѣлый, для обозначенія хлѣбовъ.

** Часто борону замѣняетъ простая доска, даже безъ клиньевъ.

ской почвы, съ обозначеніемъ приблизительно урожая въ которые они даютъ.

Морковь сѣется весной, получается въ количествѣ отъ 50 до 70 батмановъ * съ танапа. Цѣна за батманъ отъ четырехъ до двадцати тенегъ.

Затѣмъ сѣютъ пшеницу, иногда сорго, которымъ не даютъ вызрѣвать и вытравляютъ въ первый годъ скотомъ.

Потомъ идетъ очередь ячменя.

Пшеница родится самъ 10, 18 и даже 50, ячмень въ томъ же количествѣ. Обыкновенно съ четверти батмана получается отъ двухъ до трехъ батмановъ. Батманъ пшеницы, послѣвающей во второй половинѣ іюня, стоитъ отъ 22 и до 100 тенегъ. Ячменя получается отъ трехъ до пяти батмановъ, сѣется въ послѣднихъ числахъ августа или сентября (въ рѣдкихъ случаяхъ въ октябрѣ); послѣваетъ онъ въ первыхъ числахъ мая; стоитъ батманъ отъ 17 до 80 тенегъ.

Рисъ сѣютъ болѣе всего въ Шахрисябзской и Міанкальской долинахъ. Въ другихъ мѣстахъ не сѣютъ по недостатку воды.

Сорго сѣютъ въ іюль и маѣ, послѣваетъ въ сентябрѣ; собираютъ его въ октябрѣ; сорго требуетъ большаго удобренія.

Хлопчатникъ сѣется весной и послѣваетъ въ концѣ августа.

Табакъ сѣютъ только въ Карши или Міанкалѣ. Цѣна его доходитъ до 120 тенегъ за батманъ.

Марену сѣютъ на грядахъ. Для нея необходимы усиленное удобреніе и тщательный уходъ. Отличается особенно длиннымъ корнемъ.

Свекла послѣваетъ къ морозамъ; цѣна отъ четырехъ до пяти тенегъ за батманъ.

Земли въ Бухарѣ дѣлятся на три главные вида: эмирскія, бекскія и вакуфныя. Доходы съ эмирскихъ земель идутъ прямо эмиру и собираются особыми чиновниками—амлакарами. Доходы съ бекскихъ земель употребляются на управленіе бекствами и собираются самими беками. А доходы съ вакуфныхъ земель идутъ въ пользу тѣхъ лицъ или учреждений въ собственность которымъ эти земли предназначены.

Подать взимаемая съ обрабатываемыхъ земель часто из-

* Бухарскій батманъ равенъ 8 лудамъ.

мѣняется по произволу властителя. Съ земель орошаемыхъ водой берется третья часть урожая, съ неорошаемыхъ (большую частью въ горахъ) восьмая часть. Кромѣ того землевладѣльцы платятъ съ каждаго танапа до рубля двадцати копѣекъ.

VIII.

Свободнымъ отъ всякихъ занятій временемъ я пользовался чтобъ ознакомиться съ городомъ Бухарой. Благодаря любезности Бухарцевъ мнѣ удалось это безъ особенныхъ затрудненій.

Извнѣ городъ имѣетъ довольно изящный видъ, внутри же, вслѣдствіе очень узкихъ улицъ и небольшихъ площадей, красота древнихъ зданій теряется въ массѣ домовъ ихъ окружающихъ. Худая мостовая, * пыльная въ жаркое время и грязная въ дождливое арыки (хотя нѣкоторые довольно широки), большую частью наполненные мутною водой, ** постоянные миазмы, отравляющіе атмосферу, дѣлаютъ прогулку по городу не особенно пріятною. Доказательствами прежняго процвѣтанія страны остались многочисленные памятники, по своей величинѣ, изящности и оригинальности архитектуры, вполне достойные удивленія. Въ Бухарѣ до двухсотъ медресе, нѣсколько сотъ мечетей; большой крытый базаръ, въ которомъ лавки распределены по различнымъ отраслямъ промышленности; башня съ которой бросаютъ преступниковъ; клоповникъ и колодезь также для наказанія преступниковъ; дворецъ эмира въ городѣ и четырнадцать загородныхъ уже новѣйшей постройки. Въ одномъ изъ нихъ помѣщаются болѣе тысячи женъ и наложницъ эмира.

4го іюля всѣ находившіяся въ городѣ войска вышли встрѣчать эмира. Такъ какъ дворецъ который мы занимали былъ расположенъ на дорогѣ по которой эмиръ долженъ былъ въѣхать въ городъ, то владѣтель Бухары остановился въ одномъ изъ загородныхъ дворцовъ, *** не рѣшаясь проѣхать

* По улицамъ разбросаны въ безпорядкѣ большіе камни, которые очень затрудняютъ ѣзду по городу; лошади легко спотыкаются и нерѣдко угрожаютъ паденіемъ.

** Бухарцы не стѣсняются и сваливаютъ всѣ нечистоты прямо въ арыкъ.

*** Дворецъ Ширбудунъ, гдѣ живутъ жены эмира.

мимо насъ (у Бухарцевъ это считается неприличіемъ), а также и изъ боязни какой-нибудь западни (онъ рѣшительно всего боится и въ каждомъ человѣкѣ видитъ врага).

Въ этотъ же день я познакомился съ Николаемъ Михайловичемъ Урепевымъ, извѣстнымъ въ Бухарѣ подъ именемъ Абдурахима, бывшимъ довѣреннымъ оренбургскаго купца Дѣева. Онъ мнѣ также былъ очень полезенъ разными свѣдѣніями которыя сообщалъ съ большою готовностью.

Удѣльный крестьянинъ Симбирской губерніи, Сызранскаго уѣзда, Урепевъ въ 1859 году въ качествѣ довѣреннаго былъ отправленъ въ Бухару съ большимъ караваномъ оренбургскимъ первой гильдіи купцомъ Степаномъ Михайловичемъ Дѣевымъ. Вскорѣ по прибытіи въ Бухару, Урепевъ сдѣлался жертвой собственныхъ увлеченій и неопытности. Захваченный ночнымъ карауломъ въ домѣ одного Бухарца съ женщиной, онъ былъ приговоренъ, согласно мѣстнымъ, законамъ, къ смертной казни, отъ которой ему удалось избавиться только по уплатѣ выкупа въ семь тысячъ тенегъ. Не имѣя своихъ денегъ, онъ принужденъ былъ произвести эту издержку изъ суммъ довѣренныхъ ему Дѣевымъ, что и поставило его въ крайне затруднительное положеніе относительно довѣрителя, такъ какъ онъ не былъ въ состояніи уплатить означенной суммы. Незвѣстность какъ отнесется довѣритель къ его поступку и страхъ навлечь на себя гоненія побудили Урепева остаться въ Бухарѣ, гдѣ онъ находится и по сіе время. Эмиръ не замедлил воспользоваться его критическимъ положеніемъ, женилъ его на туземкѣ насильно и подъ страхомъ смерти заставилъ его принять мусульманство, назначилъ надъ нимъ строгій надзоръ чтобъ онъ не имѣлъ возможности бѣжать, и взялъ его къ себѣ въ переводчики, переименовавъ въ Татарина Абдурахима Абдулина.

Одно время Урепевъ постоянно находился при Музаффарѣ и съ 1859 года участвовалъ во всѣхъ его походахъ. Человѣкъ весьма умный, ловкій и благомыслящій онъ хорошо изучилъ нравы, обычаи и языкъ Бухарцевъ. Теперь онъ отставленъ отъ должности переводчика и едва перебывается, занимаясь мелкими торговыми операціями.

Его довѣритель, съ которымъ онъ вступилъ въ перелиску, и которому откровенно признался въ своей винѣ, простилъ ему долгъ и нѣсколько разъ звалъ его къ себѣ въ

Оренбургъ. Урелевъ, страдая тоской по родинѣ, порывался уѣхать, но Бухарцы были насторожѣ и постоянно разрушали его намѣренія. Много русскихъ подданныхъ подобно Урелеву и Каратаеву подвергаются въ Бухарѣ насильственному задержанію. Татары составляютъ большинство. Одни бѣжали въ Бухару чтобъ избавиться отъ наказанія за какія-нибудь преступленія или спасаются отъ взысканій за долги, другіе же, попавъ случайно въ Бухару, насильно задерживаются эмиромъ, который принуждаетъ ихъ поступить къ себѣ на службу, и наконецъ третьи (обыкновенно очень молодые), которыхъ обманомъ и лживыми обѣщаніями заманиваютъ въ Бухару, откуда уже выѣздъ имъ запрещенъ. Эмиръ находитъ особенное удовольствіе задерживать у себя русскихъ подданныхъ и упорно отказываетъ имъ въ разрѣшеніи выѣзда изъ Бухары. Многие пробовали бѣжать, но попытки эти очень рѣдко удавались.

8го іюля состоялась наконецъ послѣдняя, прощальная аудіенція наша у эмира. Кромѣ меня и гг. Вилькинса и Чапышева на аудіенціи присутствовалъ Каратаевъ, на котораго эмиръ возложилъ обязанность слѣдить за переводомъ г. Чапышева. Поблагодаривъ еще разъ владѣтеля Бухары за его вниманіе и милости къ намъ и сказавъ ему что я не премину сообщить своему начальству самымъ точнымъ образомъ насколько укрѣпились въ Бухарѣ дружба и пріязнь къ Россіи, я предложилъ свою готовность исполнить всѣ порученія которыя ему будетъ угодно дать мнѣ. При этомъ воспользовался случаемъ чтобъ упомянуть о всѣхъ лицахъ блистательно исполнившихъ возложенное на нихъ порученіе, оказывать намъ самое утонченное гостепріимство. Меня очень удивило молчаніе которое послѣдовало за моею рѣчью. Эмиръ видимо затруднялся отвѣтомъ. Наконецъ онъ проговорилъ что остался весьма доволенъ нашимъ пребываніемъ въ его владѣніяхъ и просить передать его искренніе привѣты и пожеланія пославшимъ меня, а также выраженія глубокой преданности всему Императорскому Дому. Закончилъ онъ слѣдующими словами: „пожалуста передайте генералу Колпаковскому что я очень обиженъ и оскорбленъ его недоверіемъ ко мнѣ; ему не слѣдовало бы провѣрять мои слова и поручать вамъ собирать по нѣкоторымъ дѣламъ доказательства.“ (Онъ намекалъ на порученіе данное мнѣ переговаривать съ кушбеги о нѣкоторыхъ вопросахъ, рѣшеніе кото-

рыхъ Бухарды по обыкновенію откладывали въ долгій ящикъ.) Разными уклончивыми фразами, ссылаясь болѣе на недоразумѣніе, я старался его успокоить и утѣшить, въ чемъ кажется и успѣлъ. По окончаніи аудіенціи произошла неизбѣжная раздача сарпаевъ*.

Въ столицѣ ханства мнѣ удалось собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о населеніи Бухары, управленіи, войскѣ, отношеніяхъ эмира къ народу и др.

Три рѣзко другъ отъ друга отличающіяся народности составляютъ главное населеніе Бухары: Узбеки, Таджики и Джугуты**.

Узбеки бѣдны и сильно притѣсняемы. Они держатся въ большомъ загонѣ; ихъ имя даже часто употребляется въ видѣ ругательства. По правдѣ говоря, Узбеки стоятъ на весьма низкой и первобытной ступени умственного развитія, въ чемъ далеко уступаютъ хитрымъ и ловкимъ Таджикиамъ. Несмотря на это, они все-таки должны пользоваться предпочтеніемъ, такъ какъ очень добродушны, прямы и честны. Всѣ они осѣдлы и занимаются земледѣліемъ; торговцевъ между ними мало.

Таджики — самая многочисленная часть населенія, преобладаютъ въ странѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ высшей степени развращенные, они не останавливаются предъ выборомъ средствъ чтобы только достигнуть своихъ цѣлей; поэтому подкупъ, обманъ, шпіонство, доносы, у нихъ не считаются зломъ, родственныя чувства, честь, любовь къ религіи и отечеству имъ неизвѣстны; главное ихъ стремленіе — приобрѣтать богатства и возвышаться быстро въ іерархическомъ отношеніи чтобы давить подчиненныхъ и высасывать изъ нихъ что только возможно (я говорю здѣсь о бухарскихъ Таджикиахъ).

Самому большому презрѣнію, самымъ большимъ притѣсненіямъ подвергнуты въ Бухарѣ Джугуты. Они живутъ преимущественно въ городахъ, лишены всякихъ правъ гражданства, даже ограничены въ выборѣ одежды, такъ напримеръ, имъ запрещено ѣздить верхомъ, носить чалмы и наряды яркихъ цвѣтовъ, они должны ходить въ простыхъ

* Сарпай — значитъ почетный подарокъ. Саръ — голова, пай — нога, то-есть съ ногъ до головы.

** Джугуты — Евреи.

темныхъ халатахъ подпоясанныхъ маленькими платками, или просто веревочками, въ маленькихъ изъ темнаго сукна шапочкахъ на головѣ. Обидѣть, убить Джугута не считается грѣхомъ. И все-таки подобно всѣмъ Евреямъ, подобострастно сгибая спину, терпѣливо вынося всѣ невзгоды, они сумѣли сохранить свою религію, не бросаютъ своихъ занятій и настойчиво ожидаютъ лучшихъ дней. Всѣ ихъ надежды основаны на пришествіи Русскихъ (гдѣ только Русскіе водворялись въ Средней Азіи, тамъ и Евреи немедленно появлялись въ большомъ количествѣ). Занимаются же Джугуты крашеніемъ шелка, продажею шелковыхъ матерій и ростовщицествомъ, въ чемъ сильно соперничаютъ съ Индійцами. Никакія притѣсненія и лишенія не въ состояніи помѣшать имъ наживать значительныя богатства.

Кромѣ этихъ трехъ народностей въ Бухарѣ живутъ Индійцы, Аванды, Персіане (большею частью невольники), Киргизы, Каракалпаки, Туркмены и Татары, преимущественно ученики медресе и бѣглецы изъ нашихъ предѣловъ.

Сельскими жителями могутъ назваться только Таджики и Узбеки, остальные же населяютъ города или же перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто.

Всѣ вышеисчисленныя народности не живутъ между собою въ согласіи, что еще болѣе усложняетъ интриги, которымъ всѣ безъ исключенія предаются въ Бухарѣ.

Какъ въ кишлакахъ, такъ и въ городахъ количество населенія очень часто измѣняется и собрать о немъ достовѣрныя статистическія свѣдѣнія совершенно невозможно; приходится ограничиться одними гипотезами. Торговля есть одна изъ главныхъ причинъ убыли и прибыли населенія; опала эмира также способствуетъ частымъ передвиженіямъ. Перелісей совсѣмъ нѣтъ (теперь кажется хотятъ ввести эту мѣру), почему и количество взимаемой подати бываетъ каждый годъ различно. Только въ городахъ по числу мечетей и махалъ * опредѣляется количество жителей, и то приблизительно и весьма неточно. Такая неточность служитъ основою сборщикамъ податей къ великому произволу и злоупотребленіямъ. **

Изъ общей массы населенія выдѣляются два совершенно

* Махале—приходъ. Въ каждомъ приходѣ есть мечеть.

** Подушной подати нѣтъ.

различные элемента: военный (сипаи—служилое сословіе) и духовный. *

Преимущества особенныхъ эти сословія не имѣютъ, такъ какъ все зависитъ отъ воли и каприза владѣтеля страны, почему и можно безошибочно утверждать что кастового раздѣленія въ Бухарѣ нѣтъ.

Кромѣ вѣншей и внутренней охраны, на сипаяхъ лежатъ многочисленныя обязанности по управленію страны. Большая часть должностей распределена между ними, что и даетъ имъ не малый перевѣсъ надъ гражданскимъ людомъ. Духовные же исполняя религіозные обряды въ то же время служатъ главнымъ оплотомъ мусульманской образованности. Какъ одни, такъ и другіе, соблюдая только личные интересы, легко относятся къ своимъ обязанностямъ, отчего войско, управленіе, религія, словомъ, все постепенно приходитъ въ упадокъ. Застой и развратъ проникли всюду. Бухара называется мусульманами священной; она считается центромъ мусульманства въ Средней Азіи, а на самомъ дѣлѣ мы видимъ совершенно иную картину: въ ней царствуетъ полнѣйшее безвѣріе; фанатизмъ и то напускной, фиктивный, выказывается только по отношенію къ кяфирамъ; религіозные обряды хотя и исполняются, но это дѣлается для вида, для постороннихъ, въ дѣйствительности же охмѣляющіе налитки (даже вино), азартныя игры, бачи и женщины сдѣлались лучшимъ препровожденіемъ времени Бухарцевъ, когда-то отличавшихся необыкновенною строгостью нравовъ.

Въ то время какъ высшіе слои населенія предаются разврату, интригамъ и низколоклонству предъ своимъ владѣтелемъ, низшіе стонутъ подъ ужаснѣйшимъ гнетомъ. Нельзя сказать чтобы масса жителей Бухары любила своего повелителя, напротивъ того, рѣдко кто изъ подданныхъ Сеидъ-Музаффара скажетъ о немъ доброе слово. Со всѣхъ сторонъ слышны на него жалобы и проклятія. Даже осланные его милостями не стѣсняются и бранятъ его. Видя это, мнѣ нѣсколько разъ приходило въ голову,—какъ еще держится на своемъ престолѣ Музаффаръ? Какъ его не свергнуть? Въ послѣдствіи, ознакомившись ближе съ положеніемъ страны и народа, я былъ въ состояніи себѣ отвѣтить на эти вопросы. Развращенность, нравственное паденіе

* Шеики, ходжи, саиды и т. п.

болѣе всего способствовали апатіи оковавшей населеніе; конечно вѣрованіе въ предопредѣленіе играетъ въ этомъ не маловажную роль. Но главною причиною удерживающею Бухарцевъ отъ возмущенія и заставляющею ихъ терпѣливо выносить жестокій деспотизмъ ихъ гнетущій, можетъ безо всякаго сомнѣнія назваться интрига, которая вкоренилась во всѣхъ слояхъ общества. Такъ какъ все зависитъ отъ произвола эмира, то каждый самый послѣдній простолюдинъ не теряетъ надежды современемъ сдѣлаться высокимъ сановникомъ, для чего не требуется ни особеннаго знанія, ни заслугъ—достаточно одной воли всемогущаго повелителя. Вслѣдствіе этого частенько какой-нибудь владѣтельный бекъ, потерявъ свое званіе, преспокойно сидитъ въ лавочкѣ и торгуетъ мелкимъ товаромъ, или нищенствуетъ, а простой арбакешъ * его замѣщаетъ и пользуется плодами своей ловкой интриги. При такомъ управленіи, о дружбѣ, родственныхъ чувствахъ не можетъ быть и помину, — всѣ другъ друга боятся, другъ за другомъ слѣдятъ, другъ другу копаютъ яму. Каждому хочется получить хотя незначительную должность чтобы грабить и наживаться. Этою-то отвратительною и безнравственною политикою твердо держится эмиръ на своемъ престолѣ. Всѣмъ готовы Бухарцы пожертвовать чтобы только достигнуть своей цѣли, такъ, наприкладъ: Абдуль-Кадыръ-бей, вѣздившій въ Петербургъ и восхищавшійся тамъ правильнымъ государственнымъ строемъ и европейскою образованностію, вернувшись въ Бухару, не задумался продать эмиру свою любимую дочь чтобы получить только чинъ *датги* и пріобрѣсти вліяніе на эмира. **

Поговариваютъ будто онъ готовитъ своего младшаго сына въ бачи для забавы Сеидъ-Музаффару. Подобныхъ этому примѣровъ я могу привести множество.

Что же дѣлаетъ эмиръ? Онъ очень хорошо знаетъ что ненавидимъ своими подданными, всего боится поэтому, окружаетъ себя наемными тѣлохранителями и только съ многочисленною стражей показывается народу, который, изъ опасенія за жизнь свою, за свое имущество, поневолѣ принужденъ привѣтствовать своего мучителя вынужденно-восторженными криками. Эгоизму эмира нѣтъ предѣловъ: всѣ

* Арбакешъ—извозчикъ, ломовой, управляющій арбою — телѣгомъ.

** Онъ взялъ за свою дочь двадцать тысячь тегежъ.

желанія его должны быть исполняемы; если какой-нибудь дерзновенный осмѣлится противиться, тотъ мгновенно стирается съ лица земли. Казни и всевозможныя притѣсненія доставляютъ удовольствіе, пріятное развлеченіе жестокому Музаффару, нарушая, хотя и на короткое время, однообразіе его жизни. Кромѣ того, онъ умѣетъ извлекать изъ казней большую выгоду для себя, присвоивая имущества жертвъ своихъ. Такой легкій способъ собиранія богатствъ сдѣлалъ его скупымъ, жаднымъ, онъ не упускаетъ ни одного удобнаго случая чтобъ увеличить свои сокровища запрятыя въ большихъ подвалахъ дворца и которыя онъ четыре раза въ годъ ходитъ осматривать и провѣрять. Чего только нѣтъ въ этихъ подвалахъ: золото, серебро, драгоценныя камни, разные рѣдкости, навалены тамъ горами, въ которыхъ даже халаты занимаютъ не малую часть.

Время свое Музаффаръ проводитъ исключительно среди своихъ женъ, бачей, музыкантовъ и маскарабаровъ; самая малая часть времени удѣляется на государственныя дѣла. Имѣя болѣе тысячи женъ и наложницъ, онъ все-таки этимъ не довольствуется: тѣ которыя ему надоели, или идутъ въ продажу, * или же передаются въ видѣ особенной милости приближеннымъ. ** Кромѣ того постоянно пріобрѣтаются новыя посредствомъ покупки (самая малая часть), или обманомъ, или же силою (обыкновенно употребляемый способъ).

Особенно тяжелы для народонаселенія частые разѣзды эмира по его владѣніямъ, и горе тѣмъ провинціямъ на которыя падаетъ его ола. Такъ при мѣѣ онъ привелъ съ собою въ Шахрисабъ, кромѣ многочисленной свиты придворныхъ, нѣсколько полковъ сарбазовъ. Содержаніе всего этого люда ложится на народъ, отъ котораго мѣѣ самому пришлось слышать разказы о притѣсненіяхъ которымъ его подвергало пребываніе бухарскаго властителя. Какъ только клеветы Музаффара узнавали что у кого-нибудь изъ Шахрисабцевъ есть красивыя жены или дочери, эти несчастныя немедленно отрывались отъ семействъ и тащились ко двору. Въ ссылкахъ, конфискаціяхъ имуществъ, незаконныхъ ло-

* Въ Бухарѣ мѣѣ предлагали купить четырехъ женъ эмира, по 150 рублей за каждую.

** Такъ Кумбегъ и сынъ его главный зякетчи женаты на оставшихъ женахъ эмира.

борахъ тоже недостатка не было. Эмиръ мстилъ и продолжаетъ мстить Шахрисябцамъ за прежнія ихъ возмущенія.

Входя въ разбирательство самыхъ значительныхъ дѣлъ, эмиръ предоставляетъ себѣ исключительное право объявлять безапелляціонные приговоры. Никакая инквизиція не въ состояніи сравниться въ жестокости съ изобрѣтательною способностью Саидъ-Музаффера въ придумываніи наказаній. Первое мѣсто между наказаніями занимаютъ: клоповная яма, колодезь и башня.

1) Клоповная яма находится во дворцѣ, въ городѣ Бухарѣ, имѣетъ видъ бутылки, къ низу широкая, къ верху уже, такъ что приговореннаго спускаютъ туда на веревкахъ. Выкарабкаться изъ нея нѣтъ никакой возможности. Населена эта яма легионами клоповъ, которыхъ нарочно откармливаютъ мясомъ, чтобы сдѣлать ихъ свирѣпѣе. Чтобы продлить мученія несчастныхъ заключенныхъ, ихъ два раза въ день вытаскиваютъ на воздухъ. Во время моего пребыванія въ Бухарѣ, въ этой ямѣ сидѣлъ двадцатилѣтній юноша, сынъ одного заслуженнаго бека. Сидитъ онъ въ ней уже годъ и вслѣдствіе истощенія силъ и большой потери крови у него уже произошло разжиженіе мозга. Наказанъ былъ этотъ молодой человекъ за слѣдующее: его отцу поручено было собрать въ одной провинціи зякетъ. Бекъ исполнилъ порученіе добросовѣстно, но эмиръ, по своей обычной подозрительности, остался имъ недоволенъ, объявилъ что онъ собралъ не все и вѣроятно часть сбора присвоилъ себѣ. Всевозможныя доказательства были представлены старикомъ, но все напрасно. Эмиръ прослышалъ о его богатствахъ, которыми и задумалъ непременно завладѣть. Поэтому старика бека онъ засадилъ на всю жизнь въ темницу, а сына его, вовсе не причастнаго къ дѣлу, ввергнулъ въ клоповную яму.*

2) Колодезь имѣетъ глубины 38 футовъ; дно его устлано острыми кольями и кольями, на которые и бросаются съ верху несчастные; обезображенные тѣла тамъ и остаются непритрагиваемыми.

3) Круглая башня, вышиною въ 60 аршинъ, построена однимъ киргизскимъ ханомъ, весьма красивое зданіе, укра-

* Эмиръ никогда не довольствовался наказаніемъ одного лица; непременно все семейство обвиненнаго подвергалось опалѣ, а имущество конфисковалось.

шенное многочисленными и самыми разнообразными узорами и надписями. Съ вершины ея бросаютъ на каменную мостовую приговоренныхъ, отъ которыхъ остаются только какія-то массы.

Первымъ двумъ наказаніямъ подвергаются высокопоставленные лица, а послѣднему простые преступники.

Кромѣ этихъ трехъ видовъ наказанія существуютъ:

Тюрьма, называемая *зинаданомъ*, состоящая изъ трехъ этажей. Два нижніе этажа выложены камнемъ, третій представляетъ изъ себя саклю. Въ нижній этажъ опускаютъ преступниковъ на блокахъ. Свѣтъ туда никогда не проникаетъ. Въ отдѣленія второго этажа впускаютъ немного свѣта черезъ маленькія отверстія. Заключаютъ обыкновенно въ эту тюрьму на всю жизнь. Пищу для заключенныхъ казна не выдаетъ; заботу эту предоставляютъ родственникамъ преступниковъ. Въ противномъ случаѣ имъ остается голодная смерть.

Пытки, какъ-то: поджариваніе на раскаленныхъ подносахъ, отрубиваніе носовъ, ушей, рукъ и ногъ; выкалываніе глазъ, выдергиваніе ногтей, волосъ и языковъ; прижиганіе раскаленнымъ желѣзомъ; разламываніе молотками суставовъ и множество другихъ.

И наконецъ самая обыкновенная казнь — перерѣзываніе горла (на подобіе того какъ рѣжутъ барановъ) и отсѣченіе головы. За прелюбодѣяніе закалываютъ (этому подвергаются женщины) по поясъ въ землю и побиваютъ потомъ камнями. Вотъ перечень нѣкоторыхъ болѣе замѣчательныхъ лицъ которыя подверглись разнымъ наказаніямъ:

Абдуль-Адиръ, бывшій еще при Насруллѣ въ должности кушбеги, несмотря на свои заслуги, былъ Сеидъ-Музаффаромъ заключенъ въ крѣпость Нурата, гдѣ его три дня подрабъ били палками, потомъ жгли на раскаленномъ подносѣ и наконецъ зарѣзали. Было же это сдѣлано только потому что эмиру захотѣлось приобрести его имущество.

Баратбекъ, бывшій Уратюбинскимъ бекомъ, былъ послѣ ужасныхъ пытокъ зарѣзанъ предъ дворцомъ за то только что былъ разбитъ Коканцами, которые овладѣли крѣпостью Уратюбе. Трое сутокъ тѣло его лежало на дворцовой площади.

Начальникъ полиціи Абдулла былъ зарѣзанъ въ тюрьмѣ за то что отсовѣтовалъ воевать съ Русскими.

Все семейство Сеидъ-Ахатъ-хана, племянника эмира, было перерѣзано. Самъ Сеидъ-Ахатъ-ханъ едва успѣвъ спа-

стись бѣгствомъ въ Ташкентъ, гдѣ проживаетъ и нынѣ на счетъ русскаго правительства.

Люди казнилисъ сотнями и тысячами заразъ (такъ при взятіи Гисара было казнено пять тысячъ человѣкъ). Хотя теперь казни совершаются рѣже, все-таки можно насчитать много невинныхъ жертвъ.

Управленіе въ Бухарѣ, какъ я уже сказалъ, основано на произволѣ и на злоупотребленіяхъ — рѣдко встрѣчается честный человѣкъ, который добросовѣстно исполнялъ бы свои обязанности. Хотя должностныхъ лицъ очень много, тѣмъ не менѣе въ Бухарѣ каждый можетъ вмѣшиваться въ государственныя дѣла, отчего и происходитъ великая путаница. Всѣ заботятся болѣе о соблюденіи разныхъ бесполезныхъ церемоніаловъ, которымъ придаютъ большое значеніе (мѣстничество особенно развито), чѣмъ о дѣлахъ по управленію страной. Одна политика еще интересуется немного и то потому что даетъ обширное поле интригамъ; остальные дѣла исполняются весьма плохо и медленно. Между гражданскими и военными чинами точнаго разграниченія нѣтъ, такъ что часто въ одномъ лицѣ соединяются и военныя и гражданскія обязанности; только духовенство составляетъ нѣчто самостоятельное цѣлое.

Не стану утруждать вниманіе читателя разборомъ всѣхъ частей управленія въ Бухарѣ; постараюсь только представить маленькую характеристику этого управленія, насколько я успѣлъ подмѣтить во время моей поездки.

Центръ управленія находится въ городѣ Бухарѣ и сосредоточенъ въ лицѣ кушбеги; въ бекствахъ же веденіе дѣлъ возложено на владѣтельныхъ бековъ. Какъ первый, такъ и послѣдніе хотя и имѣютъ въ эмирѣ опаснаго контролера, однако, вслѣдствіе неправильно организованнаго государственнаго строя, всегда въ состояніи много скрыть. Игра эта очень опасна, потому что можетъ имѣть трагическій конецъ, но за то и очень выгодна, отчего ей всѣ и предаются на свой рискъ и страхъ. Только побывавъ въ Бухарѣ можно понять до какихъ утонченныхъ злоупотребленій могутъ дойти люди. Почти каждое дѣло рѣшается въ пользу того кто больше заплатитъ, почему бѣднымъ нѣтъ положительно никакого исхода. Общее правило въ Бухарѣ: каждый захватываетъ сколько успѣетъ и сумѣетъ, чтобы было чѣмъ задабривать другихъ болѣе сильныхъ. Предосторожность эта не

лишняя. Законнымъ основаніемъ для взятокъ служить древній обычай давать подарки при каждомъ удобномъ случаѣ. Главнымъ собирателемъ подобныхъ подарковъ можетъ считаться конечно самъ самъ эмиръ; только этимъ способомъ и можно заслужить его милости.

Считая государство собственнымъ достояніемъ, эмиръ не стѣсняется. Такъ когда умираетъ какой-нибудь чиновникъ, наслѣдники его обязаны представить подробный списокъ имущества умершаго эмиру, который уже рѣшаетъ: оставить все или часть наслѣдникамъ, или же присвоить себѣ. Скрывшіе что-нибудь подвергаются строгому наказанію. Но имущества отбираются не у однихъ мертвыхъ, живые также не могутъ считать свое въ безопасности отъ покушеній алчнаго Музаффера. Я былъ свидѣтелемъ ужасной несправедливости. Въ Китабѣ былъ бекомъ очень умный, вліятельный и, сравнительно съ другими, честный человѣкъ, Абдуль-Гафаръ-бекъ (о которомъ я уже говорилъ раньше), глава большаго семейства. Его богатства давно прельщали эмира, который искалъ только удобнаго случая чтобы ими завладѣть. Случай не замедлилъ представиться: Абдуль-Кадыръ-бѣй, зная намѣреніе своего властителя, поспѣшилъ угодить ему, оклеветавъ Гафаръ-бека, съ которымъ былъ въ личной враждѣ. * Онъ донесъ Музафферу что старикъ бекъ, не обращая вниманія на данное приказаніе, отвелъ очень дурное помѣщеніе мнѣ и моимъ спутникамъ и вообще принялъ насъ дурно. Обвиненіе это было совершенно незаслуженное. Эмиръ ухватился за этотъ доносъ, немедленно смѣстилъ бека и его сыновей, конфисковалъ имущество всего семейства и повезъ несчастнаго старика съ собой въ Бухару чтобы заключить на всю жизнь въ тюрьму. Какъ я ни былъ возмущенъ такою несправедливостью, не могъ однако ничего предпринять въ пользу осужденныхъ. Не имѣя никакого права вмѣшиваться въ дѣла управленія, я рѣшился все-таки воспользоваться первымъ случаемъ чтобы смягчить эмира. На послѣдней аудіенціи я завелъ рѣчь объ Абдуль-Гафарѣ, очень его хвалилъ, восхищался пріемомъ который онъ устроилъ въ мою честь и въ концѣ прибавилъ что, вернувшись въ Россію,

* Вражда произошла отъ пустяжнаго обстоятельства. Ипакъ отказалъ содержать людей и лошадей посланника во время его пребыванія въ Китабѣ.

непрѣмѣнно разкажу все своему начальству, которое конечно очень доброжелательно отнесется къ этому челѣвѣку. Мои слова произвели желаемое дѣйствіе: потомъ я узналъ что наказаніе было отмѣнено и Абдуль-Гафару и его семейству подаренъ домъ, съ общаніемъ въ скорости назначить его опять куда-нибудь бекомъ.

Подобныя дѣйствія конечно не могли пріобрѣсти эмиру симпатію народа и увеличиваютъ только разладицу и безпорядокъ.

Самымъ случайнымъ образомъ мнѣ удалось узнать что разказываютъ здѣсь о происхожденіи Сеидъ-Музаффаръ-Эддина. Въ Бухарѣ появленіе на свѣтъ мальчика празднуется всегда съ большимъ торжествомъ, рожденіе же дѣвочки считается немилостью Божіею. Когда у любимой жены эмира Насруллы-Богадуръ-хана родилась дѣвочка, то бѣдная женщина, боясь подвергнуться опалѣ или даже смерти, рѣшилась на подлогъ. Подкупивъ жену одного плотника, которая въ одно время съ нею родила мальчика, она взяла, говорятъ, у нея сына и выдала за своего, а дѣвочку отдала ей. Дочь Насруллы до сихъ поръ живетъ въ неизвѣстности. Такимъ образомъ Музаффаръ изъ сына простаго плотника превратился въ сына владѣтеля Бухары. Невѣжественный, трусливый, онъ съ самой ранней юности своей уже общалъ мало хорошаго въ будущемъ. Молодость его прошла въ чувственныхъ наслажденіяхъ (что продолжается безъ всякаго перерыва по настоящее время) среди 30 женъ, цѣлаго эскадрона бачей, маскарабазовъ, хафизовъ * и пр. Его воспитатель Абдуль-Каримъ диванъ-беги потерялъ всякую надежду на его исправленіе, что и высказывалъ нерѣдко близкимъ къ себѣ людямъ. Крайне развратное общество въ которомъ Музаффаръ вращался съ дѣтства не могло благотворительно повліять на его умственное развитіе; и теперь на вопросъ о познаніяхъ его можно получить всегда одинаковый отвѣтъ: что у него мало „савата“, то-есть что онъ едва можетъ разбирать писанное. Доступъ къ нему имѣли только низкіе льстецы, интриганы, вообще люди вся жизненная цѣль которыхъ заключалась въ быстромъ обогащеніи. Насрулла его никогда не любилъ и хотѣлъ уже назначить своимъ наследникомъ Абдуль-Ахатъ-хана, сына одной изъ дочерей своихъ (вышедшей

* Хафизъ—любящій стихотворенія Хафиза.

замужъ за богатаго Бухарца Ходжа-Сеидъ-бека), но преждевременная смерть разрушила его намѣренія. При жизни отца своего Музаффаръ-Эддинъ еще сдерживался, когда же ему удалось захватить бразды правленія, онъ далъ полный ходъ своимъ дурнымъ наклонностямъ. Часть своихъ противниковъ онъ засадилъ въ заключеніе, гдѣ они и погибли, другихъ же предательски казнилъ. Такъ погибло все семейство Саидъ-Ахатъ-хана, который самъ успѣлъ спастись только бѣгствомъ въ Шахрисябъ и оттуда въ Ташкентъ. *

Семейство Музаффара очень многочисленно; большая часть городовъ находится во владѣніи его сыновей. Старшій сынъ, послѣ неудавшейся войны противъ отца, живетъ теперь въ Кашгарѣ. Изъ всѣхъ своихъ сыновей Музаффаръ любилъ болѣе всего бека въ Кермине, котораго, какъ кажется, прочить себѣ въ наслѣдники. Эмиръ, подозрѣвая всѣхъ, не довѣряетъ также и дѣтямъ своимъ (возмущеніе старшаго сына сильно его напугало), вслѣдствіе чего озабочился ко всѣмъ приставить шпіоновъ для наблюденія за ними.

Въ настоящее время въ Бухарѣ проживаетъ Назаръ-ханъ, сынъ Суфи-бека, старшаго брата настоящаго коканскаго владѣтеля — Худояръ-хана. Судьба этого молодого человѣка весьма печальная. Биби-Хамія (мать Назаръ-хана), дочь одного ташкентскаго жителя Шадманъ-Бая, по смерти Суфи-бека, осталась съ тремя сыновьями и двумя дочерьми на рукахъ. Прельстившись красотою послѣднихъ, Худояръ-ханъ коканскій задумалъ взять ихъ къ себѣ въ наложницы, но получилъ рѣшительный отказъ. На его предложеніе отвѣтили что дѣвушекъ согласны отдать ему въ жены, но не въ наложницы, такъ какъ будущность таковыхъ обыкновенно бываетъ самая ужасная. Разсерженный этимъ, Худояръ засадилъ все семейство въ тюрьму, откуда выпустилъ только по просьбѣ родственниковъ и друзей покойнаго бека. Потомъ видя въ лицѣ подроставшаго Назаръ-хана опаснаго для себя соперника, онъ отправилъ его къ эмиру Бухарскому съ просьбою непременно задержать его въ Бухарѣ и ни подъ какимъ предлогомъ не выпускать его. Мать, братья и сестры Назара вскорѣ присоединились къ нему въ Бухарѣ

* Сеидъ-Ахатъ-ханъ до сихъ поръ не теряетъ надежды сдѣлаться когда-нибудь бухарскимъ эмиромъ, почему и поддерживаетъ переписку со своими сторонниками (довольно многочисленными).

съ нѣкоторыми изъ оставшихся имъ вѣрными приверженцами. Сперва положеніе этого семейства было сносно: Назаръ-ханъ поступилъ въ военную службу и своимъ жалованьемъ могъ кое-какъ поддерживать себя и своихъ родныхъ. Но къ ихъ несчастію и эмиръ, прослышавъ о красотѣ дѣвушекъ, сталъ ихъ требовать себѣ въ жены. Ему такъ отвѣтили: вы вѣроятно желаете ихъ для временной забавы, а потомъ по обыкновенію отдадите кому-нибудь изъ своихъ прислужниковъ; дѣвушки недостойны такой горькой участи. Нѣсколько разъ эмиръ настаивалъ на своемъ намѣреніи, но все безуспѣшно, тогда онъ далъ волю своему гнѣву. Назаръ былъ немедленно отставленъ отъ службы и со всѣмъ семействомъ засаженъ подъ строгимъ надзоромъ въ домъ нарочно для этого назначенный эмиромъ, съ запрещеніемъ выходить изъ него и имѣть съ кѣмъ бы то ни было сношенія. Формально было объявлено, подъ страхомъ наказанія, чтобы никто не смѣлъ помогать имъ и свататься за молодыхъ дѣвушекъ. Такимъ образомъ несчастные были лишены всякихъ средствъ къ жизни. Младшій братъ Назара умеръ въ это время; жестокій эмиръ запретилъ его хоронить и трупъ пролежалъ нѣсколько дней въ домѣ; съ трудомъ могли испросить позволенія закопать его. Конечно все семейство погибло бы неизбѣжно, еслибы не сжалился надъ нимъ одинъ бухарскій портной, который тайно доставлялъ дѣвушкамъ работу; скудною платой за свое руководствіе послѣднія могли кое-какъ поддерживать своихъ родныхъ и избавить ихъ отъ голодной смерти, которая всѣмъ имъ угрожала. Много прошеній было подано эмиру отъ Назара и его матери, которые просили отпустить ихъ или въ Коканъ, или въ Ташкентъ, но все было напрасно. Разъ какъ-то Музаффаръ позволилъ имъ выѣхать, но когда они подѣзжали къ городскимъ воротамъ, то ихъ остановилъ полицейскій и вернулъ опять въ заключеніе. Назаръ-хану теперь около тридцати лѣтъ; онъ пользуется всеобщей симпатіей, одаренъ большимъ умомъ и хорошими качествами, въ Коканѣ очень любимъ и большая часть коканскаго населенія желаетъ имѣть его своимъ ханомъ. Каратегинскій* бекъ нѣсколько разъ подавалъ эмиру прошенія, съ многочисленными подписями Коканцевъ, въ которыхъ были изложены просьбы

* Каратегинъ расположенъ на границѣ Бухары и Кокана.

содѣйствовать къ низверженію Худояра и замѣщенію его Назаръ-ханомъ, но Музаффаръ разрывалъ прошенія и наконецъ объявилъ что если ему еще разъ будетъ подано подобное, то онъ казнитъ подателя. Единственное желаніе семейства Назаръ-хана — избавиться отъ жестокостей эмира и вѣрной насильственной смерти, которая въ будущемъ готовится для всѣхъ членовъ этого семейства, а потому они и просятъ позволенія жить у своихъ родственниковъ въ Ташкентѣ, подъ охраной русскихъ законовъ. Никакихъ политическихъ цѣлей въ этомъ желаніи не нужно предполагать.

Официально торговля невольниками была запрещена въ Бухарѣ по повелѣнію эмира, и караванъ-сарай гдѣ продавались невольники теперь навсегда закрытъ; нарушители этого повелѣнія подвергаются даже наказанію, штрафу въ тысячу тенегъ и шестимѣсячному заключенію въ тюрьмѣ. Несмотря на это, большое количество людей (большею частью купцы) занимается тайно у себя на дому продажей и покупкой рабовъ. Полпрежнему, главными поставщиками рабовъ могутъ назваться Туркмены, которыхъ баранты (разбой, набѣги) не прекращаются. Большинство попадающихъ въ неволю составляютъ Персіяне (я уже говорилъ что Персіяне очень много въ войскахъ эмира Бухарскаго, это все несчастные захваченные Туркменами). Но особенно великъ торгъ женщинами; ихъ даже изъ нашихъ предѣловъ Бухарцы увозятъ посредствомъ обмана и всевозможныхъ хитростей и продаютъ секретно въ Бухарѣ, и это совершаютъ такъ ловко что положительно нѣтъ никакой возможности услѣдить за ними. Торговлей женщинами занимаются преимущественно Татары. Хотя формальное запрещеніе и существуетъ, но оно существуетъ номинально, такъ какъ самъ эмиръ секретно покровительствуетъ этой позорной торговлѣ. Къ ней его побуждаютъ двѣ причины: вопервыхъ, торгъ этотъ доставляетъ ему новобранцевъ для войска, и вовторыхъ, такимъ способомъ онъ можетъ приобрѣтать себѣ молодыхъ и красивыхъ женщинъ и избавляться отъ тѣхъ которыя ему уже надоели. Для покупки и продажи рабовъ и рабынь Музаффаръ держитъ особыхъ тайныхъ агентовъ, которымъ платитъ очень значительное содержаніе.

Труднѣе всего мнѣ было собрать точныя свѣдѣнія о переправахъ черезъ рѣку Аму-Дарью. По этому вопросу Бухарцы старались сбить меня съ толку и давали самую разно-

рѣчивыя показанія. Наконецъ Каратаевъ и Урепевъ разрѣшили мои сомнѣнія.

Переправы черезъ Аму-Дарью на всемъ протяженіи Бухарскихъ владѣній находятся во власти Бухарцевъ. Конечно, я говорю здѣсь о правомъ берегу рѣки, такъ какъ на лѣвомъ нѣсколько переправъ принадлежатъ Авганцамъ. Переправы около города Чарджуя (черезъ Чараджуй караваны идутъ въ Мемедъ) въ трехъ мѣстахъ, а именно въ Устѣ, Черчекѣ и Бурдалыкѣ, отданы теперь въ аренду за сто тридцать восемь тысячъ денегъ бухарскимъ кулцамъ. Около Иръ-Сари, въ трехъ мѣстахъ переправами владѣютъ Туркмены, которые иногда платятъ Бухарѣ, но очень рѣдко, дань за право перевоза чрезъ рѣку. Большею же частію они стараются избѣжать этой издержки, а Бухарцы положительно не въ состояніи принудить ихъ къ исполненію условій, которыя существуютъ только номинально. Правительство бухарское оставило въ своемъ распоряженіи только одну переправу, самую большую, около города Керки, имѣющую довольно важное значеніе, такъ какъ она есть пунктъ соединенія нѣсколькихъ караванныхъ путей. Эмиръ находится въ постоянномъ страхѣ чтобъ Авганцы не овладѣли переправами, тѣмъ болѣе что онъ чувствуетъ себя вполне неспособнымъ имъ противодѣйствовать.

Въ настоящее время Сеидъ-Музаффаръ-Эддинъ сильно занятъ разными нововведеніями и начинаетъ обращать большое вниманіе на управленіе странюю и на положеніе своихъ подданныхъ—фактъ утѣшительный. Я думаю что поддержка съ нашей стороны, даже самая незначительная, утвердитъ его въ этомъ благомъ рѣшеніи. Такою спасительною для страны переменною эмиръ безъ сомнѣнія обязанъ Каратаеву и тѣмъ лицамъ которыя клонятъ къ сближенію съ Россіей. Но это навѣрно совершится не скоро, потому что Бухарцамъ трудно вырваться изъ застоя, въ которомъ они пребывали неизмѣнно въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій. Покуда эмиръ, нехотя соглашаясь на нѣкоторыя нововведенія, продолжаетъ противиться другимъ. Такъ ему нѣсколько разъ было предложено устроить правильное почтовое сообщеніе между Бухарою и Катта-Курганомъ, выставлены были ему всѣ выгоды которыя могли бы отъ этого произойти; но все напрасно, онъ отказалъ наотрѣзъ, доказывая что Русскіе могутъ воспользоваться этимъ средствомъ чтобы при случаѣ наве-

сти свои войска (какъ будто по почтѣ это легче сдѣлать) въ Бухару и завоевать ее. Его постоянно пугаетъ мысль что Россія непременно овладѣетъ Бухарой, прельстившись ея богатствами.

Невѣжество Сеидъ-Музаффара выказывается во всемъ. Слѣдующій примѣръ можетъ ясно доказать на какой низкой ступени умственнаго развитія онъ стоитъ. Когда въ Самаркандѣ былъ пожаръ, Бухарцы успѣли однако спасти знаменитую Тамерлановскую библіотеку, которую и перевезли въ городъ Бухару. Теперь эта библіотека свалена въ подвалы эмирскіе и никому не позволено ею пользоваться. Время, сырость и мыши производятъ въ ней большія опустошенія. Кромѣ того самъ Музаффаръ, нисколько не дорожа ею, когда является необходимость въ деньгахъ, отправляетъ довольно часто на базаръ продавать по лустяшнымъ цѣнамъ нѣкоторыя книги; сочиненія такимъ образомъ разрозниваются и если не положить этому конца, то скоро отъ всей библіотеки ничего не останется.

Возвращаясь къ своему путешествію.

9го іюля утромъ мы присутствовали на прощальномъ завтракѣ, который намъ давали русскіе довѣренныя. На этотъ случай всѣ вина и закуски нарочно были ими выписаны изъ Катта-Кургана. Со слезами на глазахъ провожали насъ эти добрые люди, чтò произвело сильное впечатлѣніе на Бухарцевъ. Вечеромъ мы оставили городъ Бухару, простившись съ Абдуль-Кадыромъ и русскими торговцами. Путеводителемъ нашимъ до русской границы былъ назначенъ мирза Васихъ, первый секретарь кушбеги, очень умный, ученый, прямой и честный человѣкъ, общество котораго было пріятнымъ развлеченіемъ во все время нашего обратнаго путешествія. Проѣхавъ по густо населенной мѣстности три таша, мы остановились на ночь въ кишлакѣ Куюкъ-Мазарѣ. * отъ

10го іюля подъ вечеръ мы вступили въ степь Малекскую. Намъ предстояло сдѣлать три съ половиною таша по совершенно безводному, песчаному пространству. Погода была сперва великолѣпная, жаръ немного спалъ и тихій, теплый шамаль ** умѣрялъ ночную прохладу, которая въ степяхъ

* Снова предъ каждымъ кишлакомъ начали выѣзжать къ намъ на встрѣчу разныя чиновныя лица.

** Шамаль—вѣтеръ.

бываетъ очень ощутительна. Но, къ нашему несчастію, это не долго продолжалось. Вдругъ поднялся сильнѣйшій вихрь, небо совершенно скрылось за черными тучами и со всѣхъ сторонъ начали взвиваться густые столбы песку, такъ что мы едва видѣли другъ друга и съ большимъ трудомъ могли слѣдовать за нашимъ проводникомъ, быстро подвигавшимся на великолѣпномъ иноходцѣ. Опасность была не шуточная и перспектива погибнуть въ безводной степи отъ жажды и голода далеко не завидная. Мелкій песокъ проникалъ всюду, залѣплялъ глаза и мѣшалъ смотрѣть впередъ; лошади со страху дрожали и храпѣли; вѣтеръ такъ сильно дулъ что голоса совсѣмъ не были слышны. Послѣ всего этого легко понять съ какимъ наслажденіемъ мы вѣхали въ ворота маленькаго караванъ-сарая и съ какимъ облегченіемъ развалились подъ навѣсомъ на приготовленныхъ коврахъ. Хотя намъ сказали что этотъ переходъ былъ въ три съ половиною таша, но это невѣрно, такъ какъ онъ занялъ у насъ, несмотря на очень скорую ѣзду, почти всю ночь. Маленькое мѣстечко Малекъ (всего тридцать домовъ) находится почти посрединѣ степи. Большой мазаръ и сторожевая башня свидѣтельствуютъ и здѣсь о любви Абдулла-хана къ красивымъ постройкамъ и о его заботливости облегчить путешественникамъ трудности переходовъ по степнымъ пространствамъ. Въ Малекѣ мы были встрѣчены диванъ-беги, посланнымъ отъ бека города Кермине.

11го іюля, преслѣдуемые сильнымъ вѣтромъ, мы проѣхали еще два таша по степи и достигли Кермине. Городъ расположенъ въ долинѣ, густо населенной. Онъ дѣлится на новый и старый, послѣдній почти совсѣмъ покинутъ, бывъ нѣсколько разъ разоренъ Киргизами. Мѣстоположеніе его весьма красивое, на берегу рѣки Заравшана. Вдали темнѣютъ Нуратинскія горы. Надъ городомъ на горѣ возвышается большая крѣпость, построенная еще въ тѣ давно прошедшія времена, о которыхъ составилось столько баснословныхъ и поэтическихъ преданій. Намъ помѣстили въ лѣтнемъ дворцѣ бека, поручивъ попеченіямъ михмандаръ-баши * Абдуль-Изака-мирахура (племянника Китабскаго бека). Здѣсь я познакомился съ Василиемъ Юдинымъ, довѣреннымъ ростовскаго кул-

* Михмандаръ-баши — придворный чинъ. На его обязанности лежить приемъ почетныхъ гостей.

да Весина. Въ Кермине я узналъ нѣкоторыя подробности о сопровождавшемъ насъ секретарѣ кушбеги, мурзѣ Васихѣ, который его характеризуютъ съ хорошей стороны. Васихъ былъ прежде закѣтчіемъ въ Кермине и исполнялъ свои обязанности самымъ добросовѣстнымъ образомъ, за что и подвергнулся большому нападенію своихъ многочисленныхъ враговъ. На него посыпались доносы, вслѣдствіе чего онъ подалъ въ отставку. * Въ противность заведенному въ Бухарѣ порядку, онъ ничего не нажилъ и долго находился въ большой бѣдности. Потомъ только его способности были замѣчены кушбеги, который и взялъ его къ себѣ чиновникомъ по особымъ порученіямъ. Этотъ человѣкъ навѣрно будетъ играть большую роль въ Бухарѣ.

12го іюля насъ принималъ пятнадцатилѣтній бекъ, Сеидъ-Абдуль-Ахатъ-ханъ, любимый сынъ эмира. Весьма умный, развитой и бойкій мальчикъ, онъ составляетъ рѣзкую противоположность со своимъ братомъ, бекомъ въ Карши. Посадивъ насъ на стулья (что совсѣмъ не принято въ Бухарѣ) онъ освѣдомился о здоровьи Государя Императора и русскихъ генераловъ; потомъ очень много спрашивалъ о Россіи. Хотя и некрасивое, его выразительное лицо внушаетъ симпатію. Покуда мы находились въ его владѣніяхъ, онъ входилъ въ мельчайшія подробности и во всемъ выказывалъ неподдѣльное желаніе намъ угодить. Послѣ представленія мы заѣзжали къ Юдину, а затѣмъ провели нѣсколько часовъ у одного изъ старшихъ сановниковъ города, Раджибъ-мирахура, который устроилъ въ нашу честь баземъ.

13го іюля, сопровождаемые большою свитой, мы отѣхали три таша до кишлака Ташъ-Купрюкъ и оттуда немного болѣе одного таша до города Зіаддина, гдѣ насъ принялъ владѣтельный бекъ. Городъ Зіаддинъ не великъ; дворецъ бека и крѣпость построены на небольшомъ возвышеніи, у подножія котораго широко разстилается быстрый Заравшанъ; отъ этой рѣки зависятъ богатства всѣхъ бухарскихъ владѣній. Бекъ полновластенъ въ своихъ незначительныхъ помѣстьяхъ и, имѣя частыя сношенія съ Русскими, онъ успѣлъ пріобрѣсти нѣкоторый европейскій лоскъ. Всѣ его разговоры клонились къ разрѣшенію разныхъ политическихъ вопросовъ. Онъ всячески старался выпытать отъ меня свѣдѣнія о на-

* Въ Бухарѣ такой поступокъ можно назвать рѣдкимъ.

мѣреніяхъ Россіи относительно Бухары, но я былъ насто-
роженъ и общими фразами отдѣлался отъ излишней откровен-
ности. Вечеромъ, при свѣтѣ факеловъ, онъ задалъ намъ ве-
ликолѣпное представленіе, насколько это позволило средне-
азіатское искусство.

14го іюля мы распростились съ мирзою Васихомъ, кото-
рому я далъ письмо къ эмиру (письмо это я написалъ съ
цѣлью обезопасить его отъ всякихъ нападеній), и при ру-
жейныхъ залпахъ (намъ отдавали честь) оставили Зіаддинъ.
Къ вечеру, сдѣлавъ два таша, мы прибыли въ кишлакъ-
Миръ, послѣднее пограничное поселеніе Бухары.

15го іюля, переваливъ черезъ Зарыбулакскія высоты (про-
славившіяся битвою, въ которой были совершенно разбиты
бухарскія войска), мы прибыли наконецъ въ Катта-Курганъ.
Отсюда, распростившись съ Бухарцами насъ сопровождав-
шими, мы уже въ тарантасахъ поспѣшили по направленію
къ Самарканду.

Н. СТРЕМОУХОВЪ.